

АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ

Биография человека,
который изменил мир

ИНГРИД КАРЛБЕРГ

Ингрид Карлберг

**Альфред Нобель. Биография
человека, который изменил мир**

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 82-94+929Нобель А.
ББК 24:35.63г(4Шве) Нобель А.

Карлберг И.

Альфред Нобель. Биография человека, который изменил мир /
И. Карлберг — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-20905-3

Первая полная и основанная на первоисточниках биография Альфреда Нобеля — удивительного и противоречивого человека, который мечтал о мире во всем мире, писал по ночам любовные стихи и изобрел динамит, навсегда изменив приемы ведения войны. Книгу о создателе самой известной и уважаемой награды на Земле — Нобелевской премии—написала шведская писательница и журналистка Ингрид Карлберг. Она детально прослеживает историю жизни Нобеля и его семьи, максимально погружая нас в эпоху и ее атмосферу, и впервые подробно касается ранее замалчивавшихся и табуированных тем: многолетнего тайного романа Альфреда (который никогда не был женат, но всегда грезил о семье и домашнем уюте) с австрийкой Софи Хесс, а также последовавших за его смертью мучительных семейных разногласий по поводу завещания и учреждения премии. Книга основана на огромном объеме неизвестных ранее источников: сочетая научную строгость академического уровня с любопытством журналиста-расследователя, Карлберг работала в архивах пяти стран, изучила сотни документов и тысячи частных писем, в том числе посвященных Санкт-Петербуржскому периоду жизни семьи Нобель (начало 1840-х — начало 1860-х). «Долгое время образ Альфреда Нобеля и история его жизни подвергались жесткой ретуши. Важные периоды оставались белыми пятнами, значительные события и люди замалчивались, не говоря уже о неподобающих проявлениях чувств. Каждый, кто берется за такую непростую тему, должен сформулировать свое отношение к этой горькой истине». (Ингрид Карлберг) В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94+929Нобель А.

ББК 24:35.63г(4Шве) Нобель А.

ISBN 978-5-389-20905-3

© Карлберг И., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Пролог	9
Часть I. Человек-загадка	12
Глава 1. «Полагаться лишь на самого себя...»	15
Глава 2. Как чужак – всегда в стороне	27
Глава 3. На распутье между романтикой и просвещением	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ингрид Карлберг
Альфред Нобель. Биография
человека, который изменил мир

Посвящается Перу, Юханне и Саре

Ingrid Carlberg

NOBEL

Den gåtfulle Alfred: hans värld och hans pris

Опубликовано с согласия Hedlund Literary Agency и Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Швеция

© Ingrid Carlberg, текст, 2019

© The Nobel Foundation, иллюстрации

© Колесова Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Колибри®

Кем был человек, стоявший за главной премией в мире? Эта увлекательная и пронзительная биография Альфреда Нобеля рисует портрет блестящего, но одинокого гения, который не мог найти времени для собственной личной жизни.

De Volkskrant

Задействовав весь свой многолетний опыт в исследовательской и нарративной журналистике, Ингрид Карлберг написала исчерпывающую биографию инженера, новатора, предпринимателя и филантропа Альфреда Нобеля. Ведя исследования в архивах разных стран, она обнаружила поразительное количество новых фактов о самом знаменитом шведе в мире. Мотивы, стоявшие за завещанием Нобеля, по прочтении книги Карлберг становятся гораздо понятнее. Она мастерски описывает эпоху научных и технических прорывов, в которую жил и внес свой вклад Нобель.

Жюри премии Шведской королевской академии инженерных наук

Ингрид Карлберг совершила впечатляющее погружение в ранее недоступные архивы и написала великолепную книгу об удивительном человеке и его эпохе.

Aftonbladet

Что уникально в этой новой биографии Альфреда Нобеля, так это огромный объем материалов, лежащий в ее основе. В поисках писем и документов Ингрид Карлберг объехала весь мир. Она не скрывает прежних тенденций ретушировать память об Альфреде Нобеле. Заключительная часть книги читается как триллер.

Dagsavisen

Эта книга подарит множество открытий всем, кто хочет узнать об истоках самой радостной недели для науки, – недели, когда объявляют имена лауреатов Нобелевской премии и для научных журналистов как будто заранее наступает Рождество. Альфред Нобель, должно быть, радуется на небесах, видя, как его премия стала символом лучших достижений нашей цивилизации.

Ингрид Карлберг проделала впечатляющую работу, увековечив его и его мысли в потрясающей книге.

Dagens Nyheter

В этой биографии прежний образ Альфреда Нобеля приобретает новые, более четкие контуры, а белые пятна в его жизни наполняются цветом и содержанием.

Dala-Demokraten

Бесконечно увлекательный и информативный рассказ об Альфреде Нобеле.

Göteborgs-Posten

Ингрид Карлберг серьезно погрузилась в источники, ставшие доступными лишь недавно, равно как и в прочие шведские и иностранные собрания и архивы, чтобы собрать воедино первую независимую биографию Нобеля и предысторию Нобелевской премии. Весьма вероятно, что это не просто полная, но и окончательная биография: чтобы узнать еще больше, потребуется машина времени... По сути, это элегантная победа мастерства – книга, написанная с энергией, равной которой мог похвастаться разве что сам главный герой. Наконец-то Нобель получил свою книгу... Блестяще написанная, захватывающая и масштабная биография.

Expressen

Пролог

Утром 10 декабря 1896 года в Швецию приходит телеграмма. В ночь с четверга на пятницу, точнее, около двух часов ночи Альфред Нобель скоропостижно скончался в возрасте 63 лет на своей вилле в итальянском городе Сан-Ремо. В тот же день Aftonbladet успевает опубликовать эту новость. «Каждый образованный швед оплакивает утрату одного из своих величайших соотечественников», – пишет газета, обходя, однако, вопрос, который вскоре будет у всех на устах.

Кому достанутся несметные богатства?

Уже на следующий день газетные полосы пестрят догадками, которые проскакивают, словно искры жадности, между строк в память об усопшем. Состояние оценивается как «по нашим меркам колоссальное». Одни ежегодные проценты с капитала составляют миллионы.

Журналисты быстро подсчитывают. Знаменитый изобретатель Альфред Нобель был холост и бездетен. Его знаменитых братьев – Роберта и Людвиг – уже нет в живых. Некоторые писаки, нимало не стесняясь, распространяют новость о том, что «баснословное» наследство будет поделено между детьми Роберта и Людвиг. Однако Саломон Август Андре немедленно заявляет, что Альфред Нобель успел пообещать ему 26 000 крон на новую попытку достигнуть Северного полюса на воздушном шаре. Из них, как подчеркивает Андре, пока выплачено только 10 000.

Племянников, о которых идет речь, четырнадцать. Старшие – сын Людвиг Эмануэль и сын Роберта Яльмар – еще 8 декабря спешно выехали в Италию, едва прослышав о внезапном инсульте дядюшки. Эмануэлю 37, он живет в Санкт-Петербурге. Из всех племянников у него самые близкие отношения с Альфредом. 33-летний Яльмар тоже довольно часто общался с дядей. О дядюшкиной щедрости оба знают не понаслышке. Не далее как в ноябре Эмануэль пытался найти Альфреду хорошего специалиста по лечебной физкультуре, чтобы улучшить кровообращение и справиться с болями в сердце.

К сожалению, ни один из кузенов не поспевает вовремя. Опоздал и сотрудник Альфреда Нобеля, 26-летний Рагнар Сульман, который также срочно выехал на юг, едва получив тревожное послание.

Только во второй половине дня 10 декабря все трое собираются у постели усопшего, охваченные горем и отчаянием, оттого что Альфред Нобель закончил свои дни так же, как и жил.

В одиночестве.

* * *

Завещание хранится в Стокгольмском Частном банке. Бумагу Альфред Нобель подписал в присутствии свидетелей почти день в день годом ранее, в конце ноября 1895-го. О существовании завещания племянники не подозревают.

Во вторник 15 декабря в конторе банка на Лилла-Нюгата в Старом городе сломана печать, скреплявшая бумагу. Избранные пассажи отсылают телеграфом Эмануэлю и Яльмару в Сан-Ремо, и поздно вечером оба стучат в дверь Рагнара Сульмана, чтобы передать ему то небольшое, что им пока известно о последней воле дядюшки: Альфред пожелал, чтобы ему после смерти вскрыли вены, и назначил Рагнара одним из двух своих душеприказчиков.

Все они в полной растерянности. Среди бумаг на итальянской вилле они обнаружили другое завещание, подписанное в 1893 году. Судя по всему, оно больше не действительно. Так в чем же суть изменений?

К концу недели почта доставляет в Сан-Ремо копию завещания. Племянники впадают в уныние. Их доля наследства существенно уменьшилась. Теперь дядюшка завещал родне лишь малую долю своего состояния. В завещании черным по белому прописано, что все акции и всю недвижимость Альфреда Нобеля надлежит продать, а образовавшийся капитал поместить в специально созданный фонд. Последняя воля Альфреда: проценты от этих средств каждый год вручать в качестве премии «тем, кто за минувший год принес человечеству наибольшую пользу», вне зависимости от того, в какой стране мира они проживают. Как бы ни были дороги Альфреду племянники, этому критерию ни один из них не соответствует.

Кузены не до конца понимают, как именно дядюшка собирался перевести деньги. Зато Альфред предельно точно указал, какие премии он желает учредить: одна по химии, одна по физике, одна по физиологии или медицине, одна по литературе и еще одна – тому, кто «действовал больше или лучше всех ради братства народов, роспуска или сокращения численности существующих армий или организации мирных конгрессов»¹.

Стало быть, премия мира. В смысле – за мир во всем мире. В то время как между ближайшими родственниками вот-вот разразится настоящая война.

Позднее, во время битвы за наследство, продолжавшейся долгих четыре года, сам король Оскар вмешивается и будет отпускать саркастические замечания по поводу завещания Нобеля, заявляя, что старик позволил «фанатикам дела мира, в особенности женского пола, задурить себе голову». Пресса будет завывать о недостаточной любви к своей стране, а будущий премьер министр Яльмар Брантинг назовет решение Нобеля «чудовищной ошибкой».

Четырнадцать весьма озабоченным племянникам предстоит долгий и мучительный путь. Что будет с нефтяной компанией, принадлежащей семейству, если из нее выведут большую часть акций? Что произойдет со всеми Нобелями и их семьями?

Неделю спустя их остается тринадцать. Самая младшая сестра Яльмара, 23-летняя Тира, всего за несколько месяцев до того потерявшая любимого отца Роберта, находится на семейном хуторе Йето неподалеку от Норрчёпинга. В понедельник утром она жалуется на плохое самочувствие. Несколько часов спустя, когда все заняты в кухне приготовлением рождественского печенья, Тира внезапно падает на пол и умирает.

В газетах пишут, что причиной смерти, скорее всего, стал разрыв сердца.

* * *

В роскошной вилле Альфреда Нобеля в Сан-Ремо с величественным видом на Средиземное море отслужили простую заупокойную мессу. Затем приехавшие в Сан-Ремо близкие и несколько видных лиц города сопровождают его прах к железнодорожному вокзалу. Вдоль улиц собирается толпа зевак. Во главе процессии идет городской оркестр, который играет Траурный марш Шопена, когда дубовый гроб снимают с катафалка и вносят в вагон. За ним следует целая гора венков. На некоторых – ленты в цветах флагов тех стран, где работают компании по производству динамита: итальянский, испанский, шотландский, шведский и конечно же французский триколор.

Прах отправляется напрямик в Швецию. Все документы, облегчающие прохождение государственных границ, уже собраны. Среди моря цветов, заполнивших вагон, мелькают нежные прощальные слова близких и друзей, выделяется красивая композиция, заказанная инженером Андре: «Спасибо и прощай! От членов полярной экспедиции».

За те пять дней, пока гроб пересекает всю Европу, в редакции газет несутся потоки воспоминаний. Кто-то вспоминает колоссальную жажду к работе, отличавшую Альфреда Нобеля,

---

¹ Премия Шведского Государственного банка в области экономической науки, названная в честь Альфреда Нобеля, была учреждена только в 1968 г. и впервые вручена в 1969-м. – *Прим. автора.*

кто-то – его презрение к роскоши, скромность в одежде и терпеливое отношение к нищим. Шведско-норвежский клуб в Париже пишет, что его высказывания бывали порой суровы, особенно когда он подозревал кого-то в лицемерии, но за этими словами всегда крылась большая любовь к людям. Как сказал чуть позже один из молодых изобретателей, которого Альфред поддерживал: «С большой грустью я думаю о том, как много он стремился отдать и как мало получил взамен».

Позднее британский коллега Нобеля напишет о своем усопшем друге размышление на 14 страницах. Он расскажет об интенсивности их общения и о непредсказуемых, но весьма остроумных дискуссиях. Он напишет также о том, как Нобель бросался порой из одной области науки в другую, как бы далеки они ни были, как легко переходил с одного языка на другой. Британец опишет его как большого оригинала – нервного, всегда настороже и исключительно чувствительного по своей натуре. Вместе с тем «он был наделен безграничной энергией и беспрецедентным упорством; не боялся опасностей и никогда не отступал перед трудностями. <...> Импульсивный характер в сочетании с ранимостью и застенчивостью – самые яркие черты, отличавшие его личность. <...> Маленькие светлые глаза, затемненные тяжелыми бровями, были полны выразительности и горели незаурядным умом».

Он напишет также, что в значительной мере именно отец, Иммануил, направил сына по верному пути.

В эти дни многие пишут о том невероятном пути, который проделала семья Нобель с тех пор, как Иммануил² Нобель – «один из самых выдающихся инженеров того времени» – прокладывал себе дорогу в Стокгольме в начале века. Утверждается, что Альфреду и его братьям удалось довести до конца то великое начинание, которое задумал Иммануил Нобель, так и не увидев его воплощения.

Утром 22 декабря 1896 года вагон медленно катится по заснеженной столице. Паровоз тормозит под двускатной крышей Стокгольмского Центрального вокзала, где грузовые помещения до потолка заполнены прибывающими и убывающими рождественскими подарками, – это рекордное количество со дня открытия железной дороги.

Звонят колокольчики. Фыркают лошади. Альфред Нобель вернулся домой.

---

² По-шведски – Immanuel, в российской традиции – Эммануил или Иммануил. — *Прим. ред.*

Часть I. Человек-загадка

*«Все это я хранил в своих мечтах. Они рассеялись...»
Альфред Нобель, около 1860 г.*

Долгое время образ Альфреда Нобеля и история его жизни подвергались жесткой ретуши. Важные периоды оставались белыми пятнами, значительные события и люди замалчивались, не говоря уже о неподобающих проявлениях чувств. Каждый, кто берется за такую непростую тему, должен сформулировать свое отношение к этой горькой истине.

Учредитель Нобелевской премии оставил после себя горы писем и важных документов, но в первые 50 лет после его смерти вышла одна-единственная книга, основанная на этом обширнейшем материале, – «Юбилейные заметки». Она была издана Нобелевским фондом в 1926 году без указаний на источники и имен авторов. Книга написана председателем фонда Хенриком Шуком и его основателем Рагнаром Сульманом.

Шук и Сульман подошли к задаче со всей серьезностью и основательно перелопатили архив, однако целенаправленно удалили все, что могло запятнать светлый образ великого мецената. Они руководствовались самыми благими намерениями, такое было время. Но в результате закрепилось выхолощенное представление о личности Альфреда Нобеля. Для большей надежности решено было закрыть доступ к архивам для независимых исследователей.

Перед следующим юбилеем Нобелевской премии Рагнар Сульман уже и сам находил это замалчивание нелепым. Собравшись с мужеством, он нарушил негласный уговор. В 1948 году, незадолго до своей смерти Сульман написал книгу «Завещание», где впервые рассказал об отношениях Альфреда Нобеля с женщиной, которая была моложе его на восемнадцать лет. Книга увидела свет в 1950 году.

Назрел вопрос о новом издании юбилейной книги 1926 года. Особенно удивлялись иностранные издательства – где же все многочисленные труды, посвященные всемирно известному покровителю наук? В 1954 году директор Нобелевского фонда Нильс Столе подписал контракт с американским журналистом шведского происхождения Наботом Хедином, который взялся написать новый труд о Нобеле – на этот раз на английском языке. Издание планировалось столь масштабным, что тогдашний премьер-министр Великобритании и нобелевский лауреат Уинстон Черчилль согласился написать предисловие. Черчилль не подвел. «Готовящееся к печати новое издание биографии Нобеля на английском языке можно смело назвать грандиозным и многообещающим», – написал он в 1957 году в рукописи задуманного предисловия. «Величественный замысел» Альфреда Нобеля – Нобелевская премия, по словам Черчилля, стала «символом успешного стремления в разных областях знания и остается живым свидетельством того, какое выдающееся место скандинавские народы занимали в борьбе всего цивилизованного человечества за то, чтобы сделать мир лучше».

Однако и на этот раз допускать посторонних в архив не спешили. Вместо этого директор Нобелевского фонда обратился к своему шурину Эрику Бергенгрену с просьбой взять дело в свои руки. Трио работало в течение трех

лет. Бергенгрэн проводил изыскания в архиве, Хедин писал, потом Бергенгрэн вычитывал рукопись, проверяя достоверность фактов, а затем Столе подвергал ее цензуре.

Результат этих творческих мук существует и по сей день – в виде шестнадцати непримечательных черных папок. После небольшого журналистского расследования мне удастся обнаружить их в подвале Нобелевского фонда. Разумеется, я просматриваю их со всей тщательностью. Профессионализм Эрика Бергенгрэна вызывает всяческое восхищение. Похоже, он перепахал весь архив, хранившийся на полках общей длиной четырнадцать метров. Однако жесткий фильтр, через который был пропущен текст, очевиден. Местами цензура пятидесятых выглядит даже забавно.

Например, в январе 1858 года Столе не понравилось, что Набот Хедин приводит цитату, где Альфред Нобель называет себя социал-демократом. Американские читатели «могут получить совершенно искаженное представление об Альфреде Нобеле. Они могут подумать, что он был коммунистом. Социал-демократы стремятся... национализировать средства производства. Представляется, мягко говоря, маловероятным, чтобы Альфред Нобель желал того же», – писал Столе, по всей видимости не отдавая себе отчет в том, что именно этот факт уже был обнародован в первой биографии Нобеля, изданной Нобелевским фондом в 1926 году.

Не раз и не два шведско-американскому автору книги указывали на то, что никакие размышления по поводу личности Альфреда Нобеля, его интеллектуальной и эмоциональной жизни в новой книге фигурировать не должны. Еще не пришло время для фривольных наблюдений, выходявших из-под пера самого Альфреда Нобеля. Эрик Бергенгрэн не без удовольствия приводит найденное им письмо, в котором Альфред замечает, что отдает предпочтение одаренным женщинам. «Интерес мозга важнее интереса члена. Аминь!» – писал Альфред Нобель. Бергенгрэн счел, что такую скабрёзность никак нельзя цитировать. Не пожелал он публиковать и характеристику, которую Альфред дал безупречному коммерсанту: «Дева Мария до... но не после».

Все это могло запятнать безукоризненный портрет мецената. «Ибо в первую очередь следует показать, что он был абсолютно неподкупным благородным джентльменом, чуждым зависти и карьеризма. Редкой души человек, прекрасный умом, сердцем и характером», – рассуждал Бергенгрэн. Словно Альфреду Нобелю не позволено быть обычным человеком из плоти и крови.

За пять лет работы Наботу Хедину удалось написать 25 глав. Но его постиг тяжкий удар. Американское издательство забраковало его труд. Книгу сочли слишком скучной и сухой. Директор Столе попросил своего шурина сократить объем рукописи до небольшой «просветительской брошюры». Эрик Бергенгрэн был потрясен: пять лет самоотверженного труда в архивах насмарку. Однако он послушно написал краткую обзорную биографию, которая была опубликована в 1960 году (снова без ссылок на источники), став второй шведской эталонной работой об Альфреде Нобеле.

Большая часть написанного с тех пор о жизни Альфреда Нобеля в основном почерпнуто из этих двух книг, а не из первоисточников. И все это несмотря на то, что Нобелевский фонд еще несколько десятилетий назад

отказался от цензуры и открыл архивы Альфреда Нобеля, не требуя отчета и согласования текстов, написанных на их основе.

С тех пор как архивы были оцифрованы, задача исследователя перестала быть невыполнимой. Моя цель – создать первую объективную биографию Альфреда Нобеля, а также написать историю Нобелевских премий, используя первичные источники и ссылаясь на них. К тому же мне трудно устоять перед искушением – так хотелось порыться в архивах стран, где жил Нобель.

Одно я знаю точно. Мой рассказ должен начинаться с Иммануила Нобеля и драмы, случившейся в год рождения его сына Альфреда и во многом предопределившей ход событий.

Здесь предостаточно белых пятен, которые мне предстоит заполнить.

Глава 1. «Полагаться лишь на самого себя...»

Имя Иммануил означает «С нами Бог», но вряд ли именно так инженер-строитель Иммануил Нобель, тридцати одного года от роду, воспринимал свою жизнь перед полным драматизма кануном нового, 1833 года, да и впоследствии.

Еще подростком, плавая юнгой в Средиземном море, отец Альфреда Нобеля начал сомневаться в целесообразности выстраивать свою жизнь в соответствии с «так называемыми святыми книгами». Неужели человек живет только ради вечной жизни, обещанной ему после смерти? Творение Господне, удивительная природа, окружает его в каждый момент жизни и буквально просит, чтобы ее использовали во благо прогресса.

А еще лицемерие. Иммануил помнил, как в бытность свою юнгой наблюдал пьяных католических монахов, развлекавшихся в борделях портовых городов. В такие минуты он испытывал то же отвращение, как и тогда, когда ему приходилось отмывать палубу после пьяных оргий тупых шведских моряков. Ему было всего шестнадцать, но именно тогда он сформулировал свой жизненный девиз:

«Полагаться лишь на самого себя, а не на других»¹.

Перед наступлением нового, 1833 года такому отношению к жизни предстояло вынести суровые испытания. К тому моменту Иммануила уже знали в Стокгольме как строителя, архитектора и механика. Он снимал обветшалый кирпичный дом на острове Лонгхольмен недалеко от Стокгольма. Там он жил вместе с женой Андриеттой двадцати девяти лет от роду и двумя сыновьями, трехлетним Робертом и полторагодовалым Людвигом.

За четыре года семейной жизни Иммануил и Андриетта Нобель, не раз переезжавшие, успели понять, что в жизни есть свои взлеты и падения, и привыкли к тому, что постройки Иммануила порой делали его знаменитым и вызывали восхищение, а порой заканчивались скандалом. Однако незадолго до Рождества стало ясно: уходящий год станет самым тяжелым в жизни семьи с тех пор, как в 1829 году умер их старший сын Эмануэль, проживший всего год.

В марте 1832 года Иммануил был вынужден передать право пользования участком на Лонгхольмене бургомистру в качестве гарантии по займу. Долги все росли, и незадолго до Рождества несколько клиентов и работников, объединившись, потребовали объявить Иммануила Нобеля банкротом. Они призывали служителей закона арестовать Нобеля, поскольку ходили слухи, что он уехал из города и скрывается от кредиторов на другом острове в озере Меларен.

В последний момент Иммануилу удалось получить отсрочку. Он надеялся, что ему разрешат погасить задолженность частями. Но 5 января 1833 года все сроки истекали².

И ранее случалось, что невзгоды сбивали Иммануила Нобеля с ног, но он всегда поднимался за счет своей трудоспособности, недюжинной изобретательности и неустанного стремления обеспечить достойное существование увеличивающейся семье. Жизнь на труднодоступном острове Лонгхольмен стала ярким примером. Три года ранее Нобель получил от одной новоиспеченной вдовы права на аренду земли и кирпичный дом. Едва просохли подписи на документе, как он обратился к властям с просьбой продлить срок контракта еще на сорок лет. За это он обещал построить красивый двухэтажный дом с балконами и витыми колоннами, который по истечении сорокалетнего срока аренды достанется городу бесплатно. К ходатайству Нобель приложил подробные цветные чертежи. Власти ответили положительно. Место это, как было сказано, все равно не представляло для города никакого интереса³.

В канун нового, 1832 года роскошная вилла из десяти комнат была почти готова, однако теперь отягощенный долгами Иммануил не мог туда вселиться. Семья осталась жить в старом обветшалом домишке. Прискорбно, поскольку уже в первые недели нового года выяснилось, что Андриетта снова беременна.

Сыну дадут имя Альфред. Из всех сыновей Иммануила он унаследует больше всего отцовских качеств: фантазию, тягу к изобретательству, энергию и презрение к официальной власти, темперамент, восприимчивость и умение преуспеть в жизни, не имея ни формального образования, ни подобающего уважения к церкви.

Веру в самого себя, если кратко.

Наследственность проявилась так явно, что многие утверждали: невозможно понять Альфреда Нобеля, не познакомившись сначала с Иммануилом.

* * *

В те времена Лонгхольмен представлял собой голый каменистый остров со скудной растительностью. Он располагался на отшибе от городской застройки Стокгольма. Изоляции островитян способствовало и то, что по другую сторону моста, возле Хеленеборга и Шиннарвикена, стеной стояли скалы.

Остров во многих отношениях идеально подходил для тюрьмы, а не для проживания семьи с маленькими детьми. Всего в нескольких шагах от кирпичного дома Нобелей в Кнаперстаде находилось Южное исправительное учреждение, где отбывали наказание более 900 человек, вырубавших камни. Из их числа Иммануил Нобель не раз набирал строителей – с переменным успехом. Однажды заключенный, за которого Нобель поручился, сбежал и был задержан после того, как украл нож для резки табака из кабака Кайсы Берггрен на Уксторгсгатан.

Случалось, что мимо Лонгхольмена проплывали пароходы – по пути из порта или в порт на острове Риддархольмен. В остальном же с транспортом здесь дело обстояло плохо, по крайней мере для тех, кто не мог позволить себе нанять извозчика и трястись по булыжной мостовой в неудобной пролетке. У Иммануила была лодка, а вот лошадей к тому моменту, судя по всему, уже не имелось. Чтобы добраться до площади Стурторгет или площади Густава Адольфа, где бурлила жизнь города, ему приходилось идти пешком до мостов у Шлюза или пользоваться услугами так называемых женских лодок у набережной Сёдер-Меларстранд.

Последнее имело свои минусы. Лодочницы были известны своей грубостью и сквернословием. Кроме того, они причаливали у омерзительного «мушиного пира» (рядом с мостом Мункбрун), куда горожане сбрасывали мусор и нечистоты. Самого Иммануила Нобеля однажды приговорили к штрафу в размере трех риксдалеров и шестнадцати шиллингов за то, что он вывалил у «мушиного пира» кучу «всяческого хлама». Свое название это место получило из-за «миллионов огромных сине-зеленых с желтым оттенком мух», от которых большую часть года воздух в этом месте казался черным. С наступлением осени случалось, что под мостом в кучах отбросов и лошадиного навоза прятались бездомные, спасавшиеся от ночного холода.

Еще одной важной социальной проблемой были человеческие экскременты. По улицам Стокгольма бродили парами «золотарки», носившие на шестах между собой полные ночные горшки, направляясь к местам сброса, которые нередко находились рядом с водяными насосами. По дороге они проливали свой ценный груз, поскольку им требовалось опрокинуть с утра парочку стаканчиков, чтобы вынести такую работу. Неудивительно, что в начале XX века Стокгольм считался одним из самых грязных и опасных для здоровья городов Европы. Однако связь между вонючими нечистотами и количеством смертей далеко не всем казалась очевидной. Власти утверждали, что рекордная смертность в Стокгольме объясняется «неумеренным потреблением водки».

Зимой Стокгольм к тому же превращался в один из самых темных городов Европы. С сентября по март город оказывался в полной зависимости от масляных фонарей. После нескольких разрушительных пожаров правила ужесточились. Теперь, чтобы следить за освещением, вла-

дельцы домов нанимали специальных фонарщиков. Около полуночи все уличные фонари предписывалось гасить. После этого часа никто не мог передвигаться по Стокгольму без фонаря с горящей в нем сальной свечой.

В понедельник 31 декабря 1932 года многие достали свои фонари в предвкушении вечерних увеселений. В популярном тогда особняке Кирстейна на Клара-Страндгата был организован бал-маскарад. Объявления в газетах призывали гостей вести себя как «образованное общество». Всех, кто будет вооружен, даже палкой, выставят за дверь, поскольку оружие «не является неотъемлемой частью костюма»⁴.

Иммануил и Андриетта Нобель в особняк Кирстейна в тот вечер не явились. На то имелось множество причин.

* * *

Пожар начался утром в последний день года. Говорили, что треснула труба в кафельной печи, после чего огонь перекинулся на изголовье кровати и разгорелся. Вскоре пламя охватило часть дома Нобелей в Кнаперстаде. Церковные колокола прозвонили два раза, это был сигнал о пожаре в районе Сёдермальм, и весь Стокгольм затаил дыхание. Теперь все зависело от городских пожарных и прошедшего огонь и воду адъютанта пожарной бригады Фредрика Бэка.

Как раз перед встречей Нового года на Стокгольм внезапно обрушились стужа и довольно сильный юго-восточный ветер. Однако не только погода создала трудности пожарным. Первый пожарный шланг, привезенный с площади Сёдермальмсторгет, оказался никуда не годным, а прибывшая команда была слишком немногочисленной, да вдобавок многие из пожарных уже были изрядно пьяны. Бэку пришлось из своего кармана заплатить извозчикам, чтобы спешно доставить на Лонгхольмен бочки с водой и шланги.

К счастью, семья, проживавшая в доме, находилась где-то в другом месте.

Пожар в доме Нобеля разгорелся так мощно, что вскоре начал угрожать располагавшейся по соседству тюрьме. Заключенных срочно отправили на борьбу с пламенем. Некоторым пришлось изрядно потрудиться со шлангами. Другие получили приказ, несмотря на жар, выносить из дома все движимое имущество. Позднее газета Aftonbladet всячески восхваляла заключенных, в обычной жизни славившихся лишь хулиганством и разбоем. «Не имело места ни малейшего проявления злонамеренности, ни одной попытки к бегству или сокрытию спасенного имущества», – писал в газете владелец другого дома на острове.

К вечеру пожарным все еще не удалось совладать с огнем. Жители Стокгольма, направлявшиеся на балы и новогодние спектакли, могли наблюдать огромное алое зарево, осветившее небо. Работы по тушению пожара продолжались почти до утра, после полуночи их слегка облегчил начавшийся снегопад⁵.

На следующий день подвели печальные итоги. Здание сгорело дотла, как и расположенный рядом склад тканей. Семья Нобель лишилась большей части нажитого и всех инструментов. Три больших портфеля с подробными чертежами Иммануила Нобеля также стали добычей пламени. Среди вещей, которые удалось спасти благодаря заключенным, были только сломанный чертежный стол, двуспальная кровать, дубовый диван с обивкой и «женский комод»⁶.

К счастью, из людей никто не пострадал. Семейство Нобель как сквозь землю провалилось. Иммануил не объявился и в ближайший рабочий день, когда в полицейский участок стали вызывать очевидцев на допрос по поводу пожара. Неосторожное обращение с огнем считалось серьезным преступлением. Еще не стерлись из памяти картины пожара 1822 года, когда большая часть Бласиехольмена и Хельгеандсхольмена выгорела дотла. Даже при минимальных разрушениях виновнику грозило серьезное наказание – отсидеть воскресенье в колоде или несколько дней в тюрьме.

В полицейском участке допрашивали соседей Нобеля, среди прочих – бухгалтера и строителя-подрядчика. Были вызваны также и двое-трое бакалейщиков, которые, хоть и были назначены в новогоднюю ночь бригадами пожарной команды, не стали, однако, посылать своих людей на тушение пожара. По поводу «кондуктора (архитектора) Нобеля» полиция записала в протоколе, что оного искали, но доселе не нашли⁷.

Лишь спустя четыре дня после пожара Иммануил Нобель объявился в городе, однако не в полиции. Ему нужна была справка, и он обратился к адьюнкту пастора в церкви Марии Магдалины. Иммануилу удалось убедить адьюнкта пастора письменно заверить тот факт, что Нобель переехал на остров Ридён в западной части озера Меларен, а также то, что он «добродетельный гражданин образцового поведения, регулярно приходящий на причастие»⁸.

Неделю спустя Иммануил Нобель подал в Городской суд на Риддархюсторгет заявление с просьбой признать его банкротом, ссылаясь на пожар в новогоднюю ночь, когда большая часть имущества погибла «в мое отсутствие и без всякой моей вины». Ровным наклонным почерком он перечислял еще несколько непредвиденных причин, в результате которых оказался неплатежеспособным. Все они связаны со строительными подрядами. Во время работ по строительству понтонного моста через Скюрусунд затонул целый ряж вместе с тремя парами, груженными строительными материалами. Подряд на перестройку дома Петерсена у моста Мункбру также закончился финансовой катастрофой, поскольку фундамент здания оказался в плачевном состоянии и его пришлось переделывать заново.

Нобель обещал отказаться от всего «спасенного из огня» имущества, принадлежащего ему. Свои долги он оценивал примерно в 5 млн шведских крон по сегодняшним меркам, или в 11 698 риксдалеров.

22 июля 1833 года в Городском суде Иммануил Нобель предстал перед сорока семью кредиторами. В их гневных письмах собраны осколки несчастной судьбы. Там значилось невыплаченное поденное жалованье малярам, каменщикам и батракам. Прилагались списки оказанных услуг кузнеца и стекольщика, печника и жестянщика, пивовара и бакалейщика – все до последнего шиллинга. Страница за страницей акт повествовал об отпущенных в долг под честное слово товарах: печные изразцы и планки для забора, винты и гвозди, пиво и квас, масло, селедка и салака. Черный фрак и сани. Двенадцать бутылок мадеры.

Из бумаг ясно, что в последние месяцы, предшествовавшие пожару, Нобель вынужден был брать в долг приличные суммы.

Однако самыми суровыми оказались требования недовольных заказчиков. Иммануил Нобель не сумел завершить ни строительство моста Скюрусундсбрун, ни перестройку дома Петерсена, ни ремонта, заказанного трактирщиком Анжу, который захотел перестроить свой дом на Стурторгет.

Это была катастрофа – крушение, с которым Городской суд разбирался почти год. Ситуацию немного облегчало то, что тесть Иммануила, начальник таможни Людвиг Альсель, несколько раз выступал поручителем Нобеля и затем выплачивал часть его долгов⁹. Однако положение оставалось серьезным. Жена Иммануила Андриетта вот-вот должна была родить, и семья остро нуждалась в жилье.

У Иммануила Нобеля оставались его жизненное кредо и его неиссякаемый оптимизм. К тому же ему не изменила его изобретательность. То, каким образом он выбрался тогда из затруднительного положения, решило будущее всей семьи, в том числе и еще не родившегося сына Альфреда.

* * *

Чета Нобель прекрасно осознавала, насколько рискованно рожать детей в городе, где каждый шестой новорожденный не доживал до года. Или, как позднее написал Август Стриндберг, «где черные бумажки от похоронных карамелек всегда смотрели со стен детской»¹⁰. К тому же в 1833 году власти предупреждали, что эпидемия холеры, уже несколько лет бушевавшая на континенте, всерьез угрожает Швеции и Стокгольму. В газетах ежедневно публиковались отчеты о состоянии здоровья населения столицы.

Иммануил, Андриетта и двое их сыновей обрели временное пристанище в каменном доме по адресу Норрландсгатан, 9. Дом имел три этажа и флигель, выходящий во двор, где находились столярная мастерская и несколько хозяйственных пристроек: дровяной сарай, прачечная и конюшня. Квартирки были маленькие, но в каждой имелась прихожая, изразцовая печь и кухня с плитой¹¹.

Квартал не был одним из беднейших в Стокгольме, однако и зажиточностью его жители похвастаться не могли. За углом находилась площадь Паккарторгет (ныне Норрмальмсторг) – еще одно место сброса отходов и опорожнения бочек с нечистотами. За ней простирался залив Паккарторгсвикен – так называемое «кошачье море», жуткое болото, где скапливался мусор со всего квартала и там же находили свое последнее пристанище кошки. Вода в Паккарторгсвикене была, по словам современника, «отменно плохого качества»¹².

Неудивительно, что первый случай заболевания холерой был зарегистрирован год спустя в одном из домов у Паккарторгет. Всего за несколько месяцев болезнь унесла жизни более 3500 жителей Стокгольма, где на тот момент проживало чуть больше 80 000. Первая в жизни страны эпидемия холеры стоила жизни 12 500 шведам.

Симптомы холеры были ужасающе очевидными: водянистый понос, жажда и синеватая морщинистая кожа. Однако определить причину болезни тогда никому не удавалось, и мало кто прислушивался к тем, кто бил тревогу по поводу загрязнения воды. Врачи подозревали, что какой-то яд выводит из строя нервную систему, но не могли найти его источник. В народе считалось, что вспышки холеры связаны с кроваво-красной луной и звездопадом. Лечение, которое назначали лекари, обычно сводилось к кровопусканию и пиявкам.

Понадобилось еще не менее двадцати лет, прежде чем человечество осознало роль грязной воды в распространении холеры, – только в 1883 году немецкий врач Роберт Кох доказал существование бактерии холеры. В 1905 году ему будет присуждена Нобелевская премия в области биологии и медицины.

* * *

21 октября 1833 года эпидемиологическая ситуация в Стокгольме все еще была под контролем. Холера пока не добралась до города, и сообщения прессы о заболеваниях касались в основном воспаления легких и флюсов.

Aftonbladet писала о совещании кабинета министров короля Карла XIV Юхана и о первом заседании особого комитета по «вспомоществованию производству ружей в стране». Вероятно, следует воспринимать как своего рода знак свыше, что именно в эти дни комитет провел первые пробные стрельбы пехотных винтовок новой модели. «Порох, использовавшийся при испытаниях, намеренно был выбран старый и не лучшего сорта», – подчеркивалось в газете.

В тот день акушерку Юханну Хаммарстедт вызвали к семье Нобель на Норрландсгатан, 9. Юханна была вдовой и жила на юге города – на первый взгляд слишком далеко. Судя по объявлениям в газетах, гораздо ближе можно было найти «привилегированную акушерку, принес-

шую присягу». Объяснение находится после недолгого поиска в архиве церковных книг записи крещений. Иммануил и Андриетта полагались на Юханну. Акушерка ранее трижды принимала у Андриетты роды – при рождении Роберта и Людвига, а также старшего сына, который умер, не дожив до года.

И вот вновь настал ответственный момент. Юханна подросла вовремя, и 30-летняя Андриетта Нобель родила еще одного сына, которого нарекли Альфредом Бернардом. Два дня спустя его крестили – так поступали со всеми, и ничто не указывало на то, что состояние здоровья младенца было критическим. По крайней мере в тот момент. Двух дней вполне хватило, чтобы пригласить избранных крестных, в том числе – добрейшую мать Андриетты, 54-летнюю вдову бухгалтера Каролину Вильгельмину Альсель.

Вскоре после этого отец троих детей Иммануил Нобель был вписан в реестр по учету населения как «бедняк»¹³.

* * *

Швеция, взрастившая Иммануила Нобеля, некогда великая держава, теперь была бедной страной на севере Европы, ищущей свою новую идентичность в качестве небольшого национального государства Северной Европы. Первые годы 1830-х оказались трудными не только для строителя и механика Нобеля. Газеты публиковали длинные списки банкротов, а несколько неожиданно холодных летних сезонов стали причиной неурожаев в сельском хозяйстве. В 1830-е нищета широких слоев населения вдруг стала центральным вопросом общественных дебатов в стране. В народе зрело недовольство, а с континента дули ветры революции. В июле 1830 года парижане восстали против деспотичного регента Карла X, который в том же году ввел ограничения и на свободу слова, и на избирательное право. Во многих странах, в том числе в Швеции, радикальные либералы начали выступать против королевской тирании.

К тому времени король Швеции Карл XIV Юхан просидел на троне уже пятнадцать лет, но все еще не освоил шведский язык и говорил только по-французски. Ужасные события, происходившие на его родине, пугали и тревожили короля, ему повсюду мерещились заговоры и покушения. Подозрительность стала яркой чертой его личности. Первое, что он сделал за десять лет в качестве кронпринца, – это создал в Швеции тайную полицию. К тому же добился права обвинять и закрывать газеты, ставившие под сомнение его действия. Эти инструменты власти король активно использовал в то беспокойное время, последовавшее за июльской революцией в Париже. Временами Швеция 1830-х годов напоминала собой полицейское государство.

Настоящее имя и звание Карла XIV Юхана – фельдмаршал Жан Батист Бернадот. Он был приглашен из Франции в разгар смуты, когда короля Густава IV Адольфа выслали из страны. Короля самым унижительным образом арестовали и вынудили отречься от престола после неудачных военных действий против Франции и России. Особенно болезненной оказалась потеря всей Финляндии, отошедшей в 1809 году к России, и многие возлагали всю вину на Густава IV Адольфа.

В среде возмущенных и встревоженных вельмож вскоре зародилась идея – пригласить французского дворянина, который помог бы Швеции вернуть утраченные территории. Высокопоставленный генерал вроде Жана Батиста Бернадота наверняка сумел бы и уговорить Наполеона Бонапарта, и отвоевать Финляндию у извечного врага Швеции – России. Дядюшка свергнутого короля Карл XIII был коронован в 1809 году в качестве временного решения. Детей у него не было, зато уже начались первые приступы.

48-летний Жан Батист Бернадот стал приемным сыном болезненного Карла XIII, взял шведское имя Карл Юхан и принял командование в свои руки задолго до коронации, состоявшейся в 1818 году. Практически сразу же он сделал противоположное тому, что от него ожи-

далось: Швеция оказалась в состоянии войны с Наполеоном, зато Карл Юхан протянул руку дружбы России, давнему врагу Швеции. Этот неожиданный поворот сыграл важную роль в жизни Иммануила Нобеля и его семьи.

Шведская знать недоумевала. Вельможи не учли, что француз Карл Юхан не способен понять генетическую ненависть шведов к русским. К тому же они не подозревали, что новоиспеченный король питал отнюдь не самые нежные чувства к Наполеону Бонапарту. В 1812 году, когда Наполеон начал свой большой поход на Москву, Александр I пригласил кронпринца Карла Юхана на встречу в Або³. В соответствии с планом стратегов престолонаследия он должен был, разумеется, отказаться, однако Карл Юхан отправился в Або. Встреча положила начало потеплению отношений между Швецией и Россией. Швеция даже участвовала в боевых действиях против Наполеона, и Карл Юхан получил поддержку российского императора, когда пожелал, чтобы союзница Наполеона Дания уступила Норвегию Швеции. Его пожелание осуществилось. В 1814 году после заключения Кильского мира между Швецией и Норвегией была создана уния. Пылкий, вечно простуженный и непрерывно кашлявший Карл XIV Юхан стал и шведским, и норвежским королем.

После отречения Наполеона в 1815 году внешняя политика Швеции характеризовалась постоянным поиском баланса между Великобританией и Россией. Хотя в отношениях с Россией все же не обходилось без осложнений, у Карла XIV Юхана еще в 1830-е годы сложились относительно близкие отношения с братом и преемником Александра I – Николаем I.

С этим новым российским императором семье Нобель придется немало взаимодействовать.

* * *

Иммануил Нобель утверждал, что видел Наполеона Бонапарта собственными глазами. Это событие имело место, когда он подростком служил юнгой на корабле в Средиземном море. Во время долгого штиля, пока корабль стоял неподалеку от острова Эльба, юный выходец из шведского городка Евле сумел разглядеть в бинокль ссыльного императора. Это произвело на него столь сильное впечатление, что впоследствии Иммануил написал об этом в автобиографических заметках, вероятно слегка приукрасив.

Встречался Иммануил и с Карлом XIV Юханом. В Евле, где его отец работал врачом в местном госпитале, сам он начинал учеником в конструировании и строительстве. Когда в 1818 году стало известно, что в скором времени после коронации король проедет через Евле во время своего первого путешествия по стране, Иммануил быстрее всех сделал набросок и чертежи надлежащей по такому случаю триумфальной арки.

Вскоре после этого деятельный и предприимчивый Иммануил Нобель перебрался в Стокгольм, чтобы изучать архитектуру и механику в Академии свободных искусств. Художественные таланты рода Нобелей достались Иммануилу сполна. Один из его предков был художником – его пригласил рисовать для него миниатюры знаменитый ботаник Карл Линней. Практическую смекалку он унаследовал от прадеда, естествоиспытателя и философа Улофа Рюдбека. К тому же фамилия имела благородное и слегка иностранное звучание, что наверняка было на руку начинающему изобретателю. Хотя считается, что на самом деле Нобель – слегка модифицированный сконский⁴ топоним Нёббелёв¹⁴.

В академии юный Иммануил стал звездой, его фамилия ежегодно была в списке медалистов. Ему выпала честь перемежать учебу в академии с работой у одного из наиболее видных архитекторов того времени – Фредрика Блума, который видел триумфальную арку в Евле и

---

³ Шведское название финского города Турку. — *Прим. ред.*

⁴ Сконский – происходящий из Сконе, области на юге Швеции. — *Прим. перев.*

высоко оценил ее. Иммануил сидел ночами, создавая чертежи переносных домов, которыми потом прославится Блум. Спроси кто-нибудь его мнение, он заявил бы, что познания Фредрика Блума весьма проигрывали в сравнении с его собственными. Порой Иммануил высказывал эти мысли вслух, что привело к некоторым осложнениям в отношениях с мастером Блумом.

В бытность свою подмастерьем Блума Иммануил, среди прочего, совершил поездку в Норвегию с королем Карлом XIV Юханом – где-то в последних рядах его свиты. В Кристиании (Осло) предполагалось строительство нового замка, и задача Иммануила заключалась в том, чтобы быстро набросать эскизы и чертежи. Поездка в запряженной лошадьми коляске заняла целую неделю, а на обратном пути превратилась в настоящее испытание. «Королю на всем его пути сопутствовала хорошая погода. Мы же, выехавшие всего на день позже, были награждены дождем – столь сильным, что вода протекала внутрь коляски, – который прекратился лишь тогда, когда мы проехали Хурнстуль»⁵, – так описывает он эту поездку в своих мемуарах.

Однажды он вместе с Блумом посетил короля Карла XIV Юхана в Русерсбергском замке. Когда король выразил желание видеть из окна спальни Сигтуну, Иммануил Нобель мгновенно сориентировался. Наняв людей, он за несколько часов срубил деревья, заслонявшие вид. Его предприимчивость была вознаграждена – на радостях Карл XIV Юхан пожаловал ему 25 дукатов¹⁵.

Казалось, творческого Иммануила Нобеля ждет большое будущее. Вскоре после свадьбы с Андриеттой в 1828 году он получил патент на два изобретения: механический рубанок и приспособление для глажки белья без утюга¹⁶. Но после того, как ему удалось спасти готовый обрушиться дом у Стадсгордена, о нем пошла по городу слава, и на него посыпались архитектурные и строительные заказы. Считается, что Иммануил Нобель, среди прочего, спроектировал так называемую Вейландтскую виллу на Юргордене, построенную в 1820-х годах¹⁷.

Задним числом можно сказать, что заказов, видимо, оказалось слишком много.

* * *

Решение суда по делу о банкротстве пришло 14 июля 1834 года. С тяжелым сердцем читал его Иммануил Нобель. Часть долгов была списана, но оставалась еще заоблачная сумма, почти три миллиона крон в пересчете на современные деньги. Собрать средства для уплаты таких долгов у него не было никакой возможности¹⁸. Большинство его кредиторов работали в строительстве, так что вход в эту отрасль для него теперь был закрыт. Иммануилу Нобелю оставалось лишь одно – попытаться найти новые способы зарабатывать на жизнь. И подыскать новое жилье.

С Норрландсгатан семья Нобель с тремя детьми переехала к матери Андриетты, Каролине Альсель, снимавшей квартирку на Рейерингсгатан, 67. Вскоре Каролина нашла себе пристанище в Ладугордсландет (современный квартал Эстермалм), оставив молодую семью в своей прежней квартире¹⁹. В последующие годы семья постоянно переезжала с места на место, что наверняка нелегко далось всем ее членам, особенно младшенькому Альфреду, который рос болезненным ребенком. «Каких трудов мне стоило прочистить грудь – судороги сжимали сердце, так что я, задыхаясь, уже стоял на грани Вечности», – писал 18-летний Альфред Нобель в явно автобиографическом стихотворении²⁰.

Современники описывают Андриетту Альсель как человека умного и заботливого, надежного спокойствием, терпением, «любовью энергией» и искрометным чувством юмора²¹.

---

⁵ Одна из застав Стокгольма. — Прим. перев.

Все эти качества оченьгодились ей, чтобы справляться с трудностями и выносить внезапные озарения и безумные планы мужа-холерика.

Идей всегда было море. Теперь, после провала, Иммануил решил всерьез заняться изобретательством. Среди прочего, он построил механическую машину для нумерации купюр по образцу, который придумал и запатентовал его друг детства из Евле – банковский служащий и иллюстратор Фердинанд Толлин²². Кроме того, в ноябре 1834 года он послал собственную заявку с целью получить патент на изготовление продукции из каучука. Желая обезопасить себя от кредиторов, он запросил патент на имя сына – Роберта Нобеля, которому было на тот момент пять лет. Когда в апреле 1835 года патент прибыл, Иммануил извинился за использование имени сына, объяснив, что это произошло «по недомыслию», и представил свидетельство, что в его банкротстве не было мошенничества²³.

Новый патент Иммануила распространялся, среди прочего, на изготовление эластичных тканей. Несколькими годами ранее англичанин Чарльз Макинтош создал своего рода прорезиненную ткань, которую использовал для производства плащей-дождевиков. Это открытие вызвало большой интерес в Швеции, где существовала огромная потребность надеть на себя нечто непромокаемое во время поездок под дождем в открытых экипажах. На острове Кунгсхольмен в Стокгольме Пьер и Леопольд Ламмы уже пару лет производили дождевики, напоминавшие британские. У дождевиков братьев Ламм имелся только один недостаток – неприятный запах. Новым в патенте Нобеля было то, что он обещал уникальный продукт, начисто лишенный запаха. Кроме того, он видел широкие возможности для его применения. Ведь резина не только не пропускает влагу, ее к тому же можно надуть, подчеркивал Нобель.

Шурин Иммануила снял на Риддаргатан, 20, помещение для новой фабрики резиновых изделий, и Иммануил разослал объявление в газеты. Он перечислил все, что можно производить из его каучука: подтяжки, пальто, рюкзаки, надувные круги «для использования как при плавании, так и для безопасности при хождении под парусами», а также «койки для больных, где матрасы будут заполнены водой для профилактики пролежней»²⁴.

Если верить автобиографии Иммануила, его изделиями заинтересовался сам кронпринц Оскар, сын Карла XIV. Он захотел узнать про непромокаемые плащи для солдат, но Иммануил предложил вместо этого сделать из резины солдатские ранцы. Нобель считал, что от этого будет двойная польза: ранцы можно будет к тому же надувать на ночь, превращая в подушки или матрасы для солдат.

Рекламные объявления Иммануила отражали грандиозность его планов. Однако потоки потенциальных заказчиков не хлынули, да и интерес у кронпринца тоже, увы, пропал. Однако именно каучук со временем откроет Нобелю нужные двери.

У отца Альфреда Нобеля было много общего с другом детства, иллюстратором Фердинандом Толлином, и это не только художественный дар. Оба они без конца размышляли о новых технических изобретениях. Оба мечтали о гениальном озарении, которое навсегда решило бы экономические проблемы. Писатель-современник описывал Толлина как «буйную голову» – человека, который «постоянно на острие, фонтанирует блестящими идеями и презирает высокомерие и чванство». Эта характеристика с таким же успехом подошла бы и Иммануилу Нобелю²⁵.

Добавьте к этому безграничную веру в себя и общее недоверие к общественным авторитетам, в особенности к церкви, – и вы получите набор качеств, весьма характерных для личностей, двигавших в те времена науку и человеческие знания.

* * *

Альфреда Нобеля угораздило родиться в самое увлекательное на тот момент столетие в истории науки. Само собой, это сыграло огромную роль в учреждении Нобелевской премии. За годы жизни Альфреда Нобеля мир перешел от тьмы к свету – в прямом и переносном смысле. И такое превращение оказало на него огромное влияние, хотя сам он никогда не называл себя ученым.

Конец XVIII века ознаменовался идеями просвещения и верой в человеческий разум. Вольтер и другие философы-просветители сурово критиковали церковь, предрассудки и обскурантизм. Они утверждали, что человек наделен умом, позволяющим анализировать и объяснять мир на основании научных фактов. Такие заявления болезненно воспринимались высокопоставленными церковниками, которые учили, что всякая жизнь на Земле священна и всякое знание о мире – в руках Господних.

На самом же деле эта битва началась задолго до эпохи Просвещения. История пестрит примерами того, как реагировала Церковь, когда кто-то пытался противопоставить библейским посланиям естественно-научные объяснения. Еще в начале XVI века Коперник утверждал, что не солнце вращается вокруг Земли, а наоборот, а сто лет спустя итальянец Галилео Галилей смог доказать, что Коперник был прав. Галилей построил телескоп, понаблюдая за небосводом и представил астрономические данные, говорившие сами за себя. Католическая церковь беспощадно боролась с научной мыслью. Труд Коперника, распространившийся уже после его смерти, подвергли жесточайшей цензуре. Галилею же пришлось предстать перед судом инквизиции и провести остаток своих дней под домашним арестом.

Во взрослом возрасте Альфред Нобель напишет пьесу, в которой будет высмеивать католическую церковь и прославлять Галилея, как и других пострадавших от инквизиции ученых, «которые стали первопроходцами разума, указавшими человечеству путь к более высокой цели, нежели сжигать ближних своих и иссушать их мозг»²⁶. Впрочем, вопрос о противостоянии между духовной верой и человеческим знанием будет волновать Альфреда на всех этапах его жизненного пути.

Исааку Ньютону, когда в 1687 году он опубликовал свой революционный труд о законе всемирного тяготения и трех законах механики «Математические начала натуральной философии», повезло больше. Ньютон доказывал, что Вселенной управляют математические, а не божественные законы. Однако ему удалось избежать преследований за свои труды. Возможно, это связано с тем, что, будучи глубоко верующим человеком, Ньютон сделал в конце книги оговорку: научный поиск тоже можно рассматривать как религию. «Господь всемогущ, постоянно присутствует в своих творениях, и посему, изучая природу, мы обретаем знания о Нем»²⁷.

В годы, предшествовавшие рождению Альфреда Нобеля, можно отметить нескольких эпохальных шагов в этой борьбе. Католическая церковь внезапно решила убрать из списка запрещенных книг работу Коперника трехсотлетней давности «О вращении небесных сфер». Это был воистину исторический шаг (хотя приговор инквизиции Галилео Галилею был отменен только в 2000 году).

Не менее важным стал прорыв в области химии в 1828 году, связанный с именем немецкого ученого Фридриха Вёлера. Ему случайно удалось синтезировать органическое вещество из неорганического, что было воспринято как чудовищная провокация против тезиса об особой «жизненной силе» божественного происхождения. Вёлер сумел синтезировать мочевины, идентичную тому веществу, которое содержится в моче у всех млекопитающих. Однако главное значение имело не само вещество, а принципиальный прорыв: Вёлер смог перекинуть мостик между процессами, происходящими в живых организмах, и теми, что происходят в

пробирках химической лаборатории. До того момента Церковь утверждала, что такое невозможно. Бог имел, так сказать, исключительное право на все живое.

Возникло ощущение, что лед тронулся, причем одновременно в нескольких областях. К примеру, геологи выступили с убедительными расчетами, доказывавшими, что Земле гораздо больше шести миллионов лет, о которых говорили толкователи Библии. В 1837 году Чарльз Дарвин сделал первые наброски к своему фундаментальному труду об эволюции, который много лет спустя выйдет под названием «Происхождение видов». Его теория естественного отбора – развития видов в борьбе за выживание, где выживают особи наиболее приспособленные, была сформулирована еще в 1839 году. Однако она казалась слишком новаторской, настоящей провокацией по отношению к библейскому мифу о сотворении мира. Свою работу Дарвин опубликовал только в 1859 году, выждав ровно двадцать лет.

Еще более долгий срок понадобился человечеству, чтобы воспринять величайший прорыв в области химии, совершившийся в начале XIX века. В 1803 году химик и физик Джон Дальтон представил свою атомистическую концепцию и тем самым возродил идею древнегреческого мыслителя Демокрита об атомном строении вещества. Дальтон заявил, что каждый химический элемент состоит из микроскопических атомов, четко различимых и неделимых. Кроме того, он утверждал, что несколько атомов за счет химической реакции могут образовывать то, что мы сегодня называем молекулами. Потребовалось еще сто лет, прежде чем будущий лауреат Нобелевской премии молодой Альберт Эйнштейн однозначно доказал существование атомов.

В те времена знаменитый шведский химик Йёнс Якоб Берцелиус был одним из немногих, кто сразу воспринял рассуждения Дальтона и попытался развить его мысль дальше. Кстати, во время эпидемии холеры в Стокгольме в 1834 году 55-летний Берцелиус заявлял, что проблема коренится в распространении заразных веществ, а не в плохом воздухе или неблагоприятном расположении планет.

Неудержимое стремление к познанию овладело всем миром. Словно неведомый континент, простиралась перед учеными и изобретателями главные загадки бытия. Да и перед смекалистым инноватором открывалось огромное поле деятельности.

Иммануил Нобель имел образование скорее практическое и техническое, нежели естественно-научное, к этой же области относились его интересы и задумки. Однако с Берцелиусом он был знаком и попытался извлечь пользу из этого знакомства.

В сентябре 1836 года в семье Нобель родилась дочь, которую Иммануил и Андриетта назвали Шарлотта Генриетта Вильгельмина²⁸. Теперь, когда ртов в семье стало еще больше, Иммануил с особой силой стремился к успеху. Оптимизм не изменял ему, однако добиться долгожданного прорыва все не удавалось.

Весной 1837-го предприимчивый отец четверых детей написал письмо королю и его министрам, испрашивая разрешения использовать принадлежащие казне помещения для производства резины. С большой гордостью он приложил рекомендательное письмо от Йёнса Якоба Берцелиуса. Ученый с мировым именем подтверждал, что резиновая продукция Нобеля не хуже иностранной. Производственные технологии Нобеля, по личной оценке Берцелиуса, свидетельствовали об «изобретательности и продуманности», и потому Нобель «вполне заслуживает права воспользоваться помещениями»²⁹.

В своем письме правительству Нобель перечислял уже девять областей применения своей резины. Его творчески составленный список пополнился пожарными шлангами и мешочками, предохраняющими от сырости порох. Иммануил планировал также производить из резины противопехотные мины, понтоны для мостов и подушки для страдающих геморроем. К своей заявке Иммануил приложил несколько интереснейших образцов своей продукции: лошадиные подпруги, подтяжки и суспензории. Кстати, все эти образцы до сих пор хранятся в Национальном архиве в Стокгольме.

Однако дело шло туго. Объявления Иммануила Нобеля в Aftonbladet становятся все короче и наконец совсем исчезают. Кронпринц отказался от идеи надувных ранцев. Похоже, и с желанными помещениями тоже ничего не вышло³⁰.

В конце лета, когда положение казалось беспросветным, Иммануила пригласил к себе посланник США в Стокгольме – министр Хьюз, пожелавший взглянуть на его эскизы. Интерес, проявленный американцем, касался как раз непромокаемых солдатских ранцев. Вскоре после этого Иммануил получил от министра приглашение на ужин. В тот вечер разговор зашел об изобретениях Нобеля. Один из именитых гостей – губернатор Або Ларс Габриэль фон Хаартман – заинтересовался солдатской амуницией. Хаартман находился в Стокгольме с начала года с целью заключить договор о торговле в пользу экономически пострадавшей Финляндии – ныне Великого княжества Финляндского в составе Российской империи³¹.

Если верить автобиографическим записям Иммануила Нобеля, Хаартман стал уговаривать его попробовать себя в России или Финляндии. В описании самого Иммануила интерес со стороны Хаартмана явился решающим обстоятельством, заставившим его незадолго до Рождества 1837 года в срочном порядке оставить семью и в одиночку отправиться на восток.

Однако правда заключается в другом. Она немилосердно проста и занесена в рукописный протокол канцелярии губернатора Стокгольма от 30 ноября 1837 года. В тексте несколько раз мелькает слово реквизиция: сначала как упоминание о предыдущих предупреждениях, а потом – как свершившийся факт. В протоколе указывается, что судебные исполнители в конце концов произвели реквизицию в доме Нобелей. В субботу в середине ноября они явились в дом без предупреждения, но никакого имущества не обнаружили. По данным канцелярии, изворотливый Нобель все заранее распродал.

На самом же деле как раз перед самой реквизицией Иммануил собрал весь свой скarb и переехал на новое место. Ему открыл двери своего дома на Ньюругатан майор Антон Людвиг Фанейельм. Фанейельм был его конкурентом в производстве резины и фонтанировал идеями не хуже самого Нобеля. Среди прочего он сконструировал самовзрывающиеся мины. Вскоре после этого Фанейельм окажется владельцем и патента Нобеля, и его фабрики³².

Когда 30 ноября 1837 года настал черед рассмотрения его дела, Иммануил Нобель явился в канцелярию губернатора на Вестерлонггатан. Была самая обычная среда в то унылое время года, когда дневной свет появляется всего на несколько часов. В переводе на более современный язык, канцелярия губернатора заявила, что «если в течение четырнадцати дней кондуктор (архитектор) Нобель не уплатит все свои долги, определенные судом в 1834 году, то будет задержан судебными исполнителями Эклундом и Экстрёмом и посажен в долговую тюрьму, где и будет находиться, пока все долги не будут выплачены».

Две недели спустя Нобель выхлопотал себе паспорт для поездки за границу. Пункт назначения – Финляндия, жизненный девиз неизменен: «Полагаться лишь на самого себя, а не на других».

Глава 2. Как чужак – всегда в стороне

Субботний день 16 декабря 1837 года стал мрачным в жизни столь оптимистично настроенного Иммануила Нобеля. Его угнетали не только мысли об огромных долгах и понимание, что его в любой момент могут арестовать¹. Найденное им решение – отправиться на восток, в русскую Финляндию, – тяготило не меньше. Еще долго он будет помнить, с какой болью «вынужден был проститься с родными – молодыми и старыми, большими и маленькими». Дочери Генриетте был всего год, Альфреду четыре, Людвигу шесть. Восьмилетнему Роберту вскоре предстояло начать учебу в школе при церкви Св. Якоба в Стокгольме. Как семья проживет без Иммануила?

Накануне он получил свой паспорт. Чиновник в канцелярии губернатора, правда, отметил, что заграничную поездку следует рассматривать как временную, что «подданный Нобель» получил паспорт, чтобы «отправиться в Финляндию и вернуться обратно». Однако ситуация сложилась такая, что никто не знал, когда осуществится второе.

Строго говоря, отягощенный долгами Нобель не имел права покидать Швецию, но контроль имел свои прорехи. Возможно, подписывая паспорт, губернатор даже не подозревал о положении Иммануила Нобеля или же сыграло роль обещание помощи от губернатора Або²?

Недавно открытая пароходная линия Стокгольм – Або с конца октября закрылась на зиму. Поэтому Иммануилу оставалось лишь воспользоваться почтовым катером из Грисселехамна – это были неуклюжие открытые суденышки, путешествие на которых сквозь дрейфующие льды сулило мало хорошего³. Впрочем, часть пути через Аландское море прошла неожиданно легко. И лишь затем начались тяжкие испытания. Временами команде и пассажирам приходилось перетаскивать судно по тонкому льду, проламывавшемуся у них под ногами. Не раз и не два Иммануил Нобель вместе с другими пассажирами повисал на перилах по пояс в ледяной воде.

Дело дошло даже до того, что Иммануил послал «благодарную мысль тому, кто так странно правит нашими судьбами и кто спас меня ради моих дорогих родных»⁴.

* * *

Судя по всему, свой паспорт Иммануил Нобель хранил в надежном месте, вероятно в одном из своих резиновых ранцев. Долгое время документ считался утерянным, но 180 лет спустя, в 2017 году, я при помощи историка-исследователя нашла его в потрепанной коричневой папке в Государственном архиве РФ в Москве. Паспорт, которому почти две сотни лет, выглядит на удивление хорошо сохранившимся. Пожелтевший от времени, слегка обтрепанный по краям, однако даже красная печать российского консульства в Стокгольме прекрасно сохранилась. По рукописным отметкам на обороте можно проследить весь путь: 17 декабря 1837 года Иммануил Нобель предъявил свой паспорт на российской таможне на аландском острове Эккерё, а три дня спустя – в полицейском участке в Або.

* * *

Город Або знал лучшие времена. Оказавшись после 1809 года под властью России, этот когда-то мощный и процветающий оплот Швеции на востоке утратил свое значение. Первый

удар последовал уже в 1812 году, когда российский император решил перенести столицу в Гельсингфорс, менее отравленный шведским влиянием и к тому же расположенный ближе к Санкт-Петербургу. А 15 лет спустя, в 1827 году, город Або на три четверти обратился в руины и пепел в результате самого большого пожара, когда-либо случавшегося в Скандинавии.

Теперь, в конце 1830-х годов, город начал приходить в себя после разрушения и унижения, но не более того. Повсюду еще виднелись следы пожара, далеко не все успели отстроить заново. В остальном жители Финляндии, похоже, не терпели от русских особых притеснений. Напротив, некоторые даже оживились после «развода» со Швецией, особенно в среде дворянства и чиновников. Они избавились от тяжкого бремени шведских налогов. Зарплаты выросли, работы стало больше, а жесткая узда Стокгольма сменилась куда более свободным правлением из Санкт-Петербурга. Великое княжество Финляндское получило широкое самоуправление – *au rang des nations*⁶, как высказался Александр I в 1809 году. И даже теперь, в правление куда более деспотичного Николая I, автономия Финляндии нисколько не сузилась. Если бы Карл XIV Юхан поддался на уговоры шведских реваншистов и попытался отвоевать Финляндию, многие жители страны наверняка выразили бы свой протест и попросили шведского короля отправиться домой.

Генерал-губернатором Финляндии Николай I назначил своего верного сподвижника Александра Сергеевича Меншикова. Примерно в то же время Меншиков был назначен адмиралом, главнокомандующим российским флотом. Назначение выглядело загадочным, ибо Меншиков честно признавался: он никогда не управлял парусным судном и никогда ноги его не было в новом Великом княжестве. Однако то, что он занимал обе эти должности, сыграет важную роль в жизни Иммануила Нобеля и его сыновей.

Задачу по управлению Финляндией Меншиков весьма успешно выполнял на расстоянии – из Санкт-Петербурга, с помощью избранных лояльных финляндских чиновников на местах⁵. Одним из них оказался губернатор Або, Ларс Габриэль фон Хаартман, с которым Иммануил Нобель только что встречался на ужине в Стокгольме. В молодости Хаартман принадлежал к тем, кто рвался служить России и занимал посты в Санкт-Петербурге еще до того, как Финляндия официально была присоединена к России. Теперь он стал советником Меншикова по вопросам национальной экономики и отвечал за проходившие тогда переговоры о торговых отношениях между Россией и Швецией.

В Або Хаартмана называли за глаза «его грозность», побаиваясь его взрывного темперамента. Однако, когда в пред рождественские дни 1837 года Иммануил Нобель явился к нему домой, Ларс Габриэль был сама любезность. По словам Иммануила, они вели «долгие разговоры», и Хаартман устроил ему комнату в доме купца на Нюландсгатан, 7, где часто останавливались путешественники. После праздников Нобель получил временный вид на жительство сроком на год⁶.

Купца с улицы Нюландсгатан звали Юхан Шарлин. Вскоре между ним и Иммануилом Нобелем завязалась дружба, продолжавшаяся долгие годы. Позднее, подводя итоги этому трудному году, проведенному в Або, Иммануил назвал заказы от Шарлина и общение с его женой и двумя дочерьями самыми светлыми моментами.

Хаартман позаботился о том, чтобы ввести Иммануила Нобеля в высшие слои общества, познакомить с самыми влиятельными купцами и заводчиками. Иммануил, продолжавший фонтанировать идеями, также вызвал к себе интерес. Однако вскоре многие поняли, что все богатство Нобеля тем и ограничивается – творчеством, не дающим прибыли. Когда Хаартман поручил ему сконструировать мельницу с ножным приводом для тюрьмы в Або, темпе-

⁶ В ряду других наций (фр.). — Прим. перев.

раментный Нобель тут же устроил диспут с начальником тюрьмы, и проект так и не реализовался⁷.

Однажды в апреле 1838 года вниманию жителей Або была представлена длинная статья в газете о фантастических возможностях каучука, написанная, вероятно, самим Иммануилом. Теперь количество потенциальных областей его применения стало еще больше. Военное использование больше не упоминалось, зато надувные плавательные круги назывались «совершенно надежной защитой от утопления, к тому же могут быть надуты пловцом, когда он уже находится в воде». Статья заканчивалась сообщением, что в городе находится Иммануил Нобель, готовый принять заказы для изготовления на фабрике в Стокгольме⁸.

Похоже, однако, заказы не хлынули лавиной. К счастью, Юхан Шарлин – хозяин дома, где проживал Иммануил, – задумал целый ряд построек и перестроек. Дело в том, что Шарлин купил участок на другой стороне улицы наискосок от собственного дома на Нюландсгатан (номер 8), и теперь поручил архитектору Иммануилу Нобелю разработать чертежи роскошного белого дома, который там планировалось построить. В готовом виде дом Нобеля выделялся сдержанностью и чистотой классицизма на фоне многочисленных домов в стиле ампира, возникших в огромном количестве в отстраивавшемся после пожара Або. Вероятно, поэтому чуть позднее, в ноябре 1842 года, первая фотография в истории Финляндии увековечила именно дом Нобеля⁹.

* * *

Теперь, задним числом, невозможно определить, мелькал ли Санкт-Петербург в мыслях Иммануила Нобеля с самого начала или же эта идея вызрела у него в тот год, который он провел в Або. Так или иначе, он ясно осознал, насколько притягательна российская столица для финляндских предпринимателей – и для шведов, эмигрировавших в Финляндию.

23 сентября 1838 года, в воскресенье, Иммануил прогуливался по набережной реки Аурайоки, когда к пристани причалил пароход из Швеции. К своей великой радости, Иммануил увидел, как по трапу сходит его старый знакомый – гофмаршал кронпринца Оскара. Они перебросились парой фраз, и Иммануил, по его собственным словам, упомянул, что намеревается отправиться дальше, в Петербург. Как раз в эту минуту рядом с ними остановился русский полковник барон Юхан Мунк¹⁰. Гофмаршал представил ему Нобеля и попросил Мунка, выходящего из Финляндии, позаботиться о шведском изобретателе по прибытии того в Петербург. Мунк пообещал.

В декабре 1838-го время пришло. И опять пароходы по зиме не ходили, так что Иммануилу предстояло несколько дней трястись по унылым каменистым дорогам в почтовом дилижансе. Когда выпадал снег и можно было пересесть в сани, дорога становилась более сносной, однако путешественник того времени описал ее так: «постоянная мука – то и дело впадать в сон от полного физического изнеможения, чтобы тут же проснуться от резкого толчка, стукнувшись о стенку дилижанса или о своего спутника»¹¹.

В утешение на последнем отрезке пути при въезде в Санкт-Петербург глазам путешественника открывалось роскошное зрелище: могучая река Нева, мраморные дворцы, позолоченные шпили, голубые купола – все это в обрамлении бесконечных гранитных набережных.

Барон Мунк, с которым Иммануил познакомился в Або, выслал ему навстречу офицера, говорящего по-шведски, и накануне сочельника Иммануил зарегистрировался в петербургской полиции.

Новая жизнь начиналась великолепно. Рождество 1838 года Иммануил Нобель отмечал вместе с Мунком и еще несколькими финляндскими офицерами благородного происхождения. Среди прочих он познакомился с родственником Хаартмана, который через жену имел

доступ ко двору императрицы, и адъютантом Меншикова, генерал-губернатора Финляндии. Иммануила тронуло, как изысканное общество, собравшееся за ужином, старалось отвлечь его от мыслей о семье, «что, впрочем, не удалось, хотя и не могло быть замечено теми, кто знал меня поверхностно»¹².

* * *

Семье, оставшейся в Стокгольме, Рождество 1838 года выпало безрадостное. В начале осени 36-летняя Андриетта с четырьмя детьми переехала в дом в нескольких кварталах от прежнего и сняла комнату по адресу Хумлегордсгатан, 18. Там ей уже во второй раз довелось пережить страшную потерю. В начале октября умерла двухлетняя Генриетта. Вскоре последовали новые несчастья. В конце января 1838 года в возрасте 81 года умер дедушка детей – хирург, «бывший госпитальный врач» Евле Иммануил Нобель-старший¹³. Поскольку личная переписка тех времен в архиве Нобелей не сохранилась, мы не знаем, что было известно Иммануилу Нобелю об этих потерях, потрясших семью.

Андриетта с мальчиками решила отказаться от комнаты на Хумлегордсгатан и поселилась в полудеревенском квартале Ладугордсландет (ныне Эстремальм) вместе со своей матерью Каролиной Альсель¹⁴. Семья переживала тяжелые и голодные времена. Племянница Альфреда Нобеля Марта Нобель-Олейникова позднее напишет в своей семейной хронике, как трем братьям пришлось пойти на улицу торговать серными спичками. Не без душевного трепета она делится семейным преданием о том, какая драма разыгралась в семье, когда старший брат Роберт, посланный в лавку за провизией, потерял по дороге деньги¹⁵. Похоже, дальше продажи спичек у братьев дело не пошло, в то время как в других районах Стокгольма их ровесники с раннего утра и до позднего вечера трудились на чадающих фабриках, хотя труд детей моложе девяти лет был запрещен законом.

В литературе, посвященной истории Нобелей, то и дело упоминается, что Андриетта открыла лавочку по продаже молока и овощей, чтобы как-то выжить. Однако это предположение остается на уровне догадок. Нельзя сказать, что это совсем невозможно, однако Андриетта Нобель, как и все шведские женщины – ее современницы, считалась недееспособной и не могла вести собственную коммерческую деятельность. Для этого требовалось специальное разрешение. Будучи замужней женщиной, она не могла последовать примеру своей ровесницы, незамужней писательницы Фредрики Бремер, – подать королю прошение о признании ее дееспособной. Бремер происходила из более знатной и весьма состоятельной семьи, что наверняка сыграло свою роль¹⁶. Признанная писательница, будущая шведская икона феминизма, в те годы опубликовала два романа, принесшие ей успех: «Соседи» (1837) и «Родной дом» (1839). До международного признания оставался один шаг.

Фредрика Бремер с большим чувством писала о повседневной жизни, отношениях и правах женщин, но пока еще не поставила ребром женский вопрос¹⁷. Зато другие шведские писатели уже вовсю готовили для этого почву. Примерно в это же время ректор Новой элементарной школы Карл Юнас Луве Альмквист решился наконец опубликовать свое произведение, бросающее вызов традиционному браку и запрету на предпринимательство для женщин. В коротком романе «Все возможно» Альмквист показал дочь стеклодува Сару и сержанта Альберта, решивших жить вместе, не заключая брака. Альмквист описал своего рода гостевой брак, где оба участника считаются дееспособными и Сара может открыть магазин по продаже стекла. «Здесь нам предстоит встреча с *Noli tangere*⁷ нашей эпохи», – писал в предисло-

---

⁷ *Noli tangere* (лат.) – «не трогай», здесь: запретная тема, табу. — Прим. перев.

вии Альмквист. Жизнь доказала его правоту. Книга вызвала бурные дебаты, и Альмквист был отстранен от должности ректора¹⁸.

Ничто не указывает на то, что мать Альфреда Нобеля воспринимала свой брак как «смирительную рубашку» (словами Альмквиста), – даже в те годы, когда супругов разделяли расстояния. В роду их отношения описывались как «на редкость счастливый союз»¹⁹.

* * *

Андриетта Нобель пошла по иному пути. В годы, предшествовавшие закону о народных школах, существовал рынок малых домашних учебных заведений. Никаких лицензий не требовалось, посещали же их в основном девочки. В учебе больше внимания уделялось домоводству, танцам и вышиванию, нежели алгебре и немецкой грамматике. Злые языки говорили, что такие школы создаются женщинами, «не могущими обеспечить себя иным путем»²⁰.

Именно такую домашнюю школу и открыла Андриетта в доме своей матери. Если верить свидетельству ученицы 1840 года, к тому же в пересказе другого человека, с интеллектуальной нагрузкой в школе у Андриетты Нобель дела обстояли так себе. «По тому, что моя тетюшка позднее рассказывала мне, я не понимаю, как кто-то мог приобрести в этой школе какие-либо знания. Зато рукоделию обучали весьма усердно».

11-летняя ученица научилась у Андриетты вышивать и к тому же подружилась с Робертом, старшим братом Альфреда²¹. Впрочем, Роберт и средний сын Людвиг в классах мамы Андриетты не учились. К тому времени оба начали посещать апологистическую школу при церкви Св. Якоба. Осенью 1841 года их примеру последует и младший брат Альфред. Впрочем, в отношении его нельзя исключать возможности, что он кое-чему научился в маминой домашней школе.

Школа Св. Якоба находилась на улице Норра-Смедьегатан (ныне торговый центр Gallerian), примерно в пятнадцати минутах ходьбы от дома братьев Нобель в Ладугордсландет. По дороге в школу мальчики проходили мимо развалюх, окружавших площадь, и спускались вниз к мосту Нюбрун, который был тогда настоящим мостом. Оттуда они могли наблюдать за работами по засыпке вонючего болота под названием «Кошачье море». Последний отрезок пути пролегал по улице Хамнгатан мимо Вдовьего дома (ныне универмаг NK), где в окнах с утра до вечера сидели старушки, пялясь на толпу. Мальчики могли также срезать путь через засыпанный песком пустырь – ныне парк Кунгстрэдгорден.

В апологистической школе Св. Якоба занимались ученики из трех приходов. Сюда отдавали мальчиков, которым не хватало таланта или денег для получения высшего образования. Здесь учились сыновья ремесленников, приходившие получить самые азы знаний, прежде чем уйти в какое-либо практическое ремесло. Более способные к учебе дети состоятельных родителей учились в расположенной рядом школе при церкви Св. Клары.

Ученики Св. Клары и Св. Якоба встречались во время перемен на площади Брункебергсторг. Там, среди батраков и служанок, столпившихся возле водяного насоса, они нередко затевали драки: «ободранные, но смелые бедняки из школы Якоба и задаваки из школы для богатеев Клары, одетые как барчуки»²².

Классы школы Якоба находились на втором этаже дома по Норра-Смедьегатан, там же проживали и сотрудники школы. Вряд ли учителям жилось очень уж привольно. Право собирать дождевую воду считалось привилегией, так что настоятель пастор вел строгий учет распределению среди сотрудников водосточных труб. Нижний этаж сдавался внаем под бакалейную лавку. Порой бывало трудно пробраться к дому среди бочек и повозок. Учитывая, что в школе обучались в среднем около 130 учеников, помещений катастрофически не хватало, и перевод из класса в класс зависел скорее от наличия места, чем от оценок.

Роберт меньше всех братьев интересовался учебой, Людвиг же делал успехи. Однако ни одному из них и не снились достижения младшего брата Альфреда. Когда 2 сентября 1841 года его записали в школу, 12-летний Роберт уже махнул рукой на учебу и забрал свой аттестат. В конце мая он записался помощником стюарда на шхуну, державшую курс на Рио-де-Жанейро. По некоторым данным, Андриетта была знакома с капитаном. Вероятно, это приключение Роберта, продлившееся пять месяцев, в первую очередь объясняется тем, что она не могла позволить себе одновременно держать в школе всех трех сыновей. Каждый семестр расходы на обучение пробивали огромную брешь в скромном семейном бюджете.

При скудном освещении – свечи в жестяных подсвечниках да чадающие масляные лампы – Альфред Нобель и его одноклассники изучали шведское правописание, библейскую историю и катехизис Лютера. Им приходилось зазубривать немецкие числительные и французские правила чтения, названия стран на глобусе, имена шведских королей XII и XIII веков, а также практиковаться в четырех математических действиях. Кроме того, три часа в неделю отводилось на чистописание – насколько это возможно в классе, где одновременно находились восемьдесят два мальчика в возрасте от семи до пятнадцати лет.

Ученики теснились за восемью партами. Долгое время в их распоряжении было всего пятнадцать чернильниц и пять линеек. В инвентарном списке школы за годы учебы Альфреда не упоминаются розги, однако не приходится сомневаться, что они были в обиходе каждый день, хотя маленькому Альфреду вряд ли часто доставалось. В своей книге 1882 года «Старый Стокгольм» Август Стриндберг и Клаэс Лундин пишут о школе Якоба 1840-х годов: «Для каждого школяра день считался необычным, если ему удавалось избежать порки. После утренней молитвы получали наказание те, чью порку отложили накануне, а затем удары градом сыпались на каждом уроке»²³.

В октябре 1841 года Роберт вернулся из Бразилии, он привез матери пакет кофе, «ибо она давно его не видывала». А два месяца спустя семью порадовал 8-летний Альфред. 10 сентября в чисто прибранной по такому случаю школе проходили экзамены. Можно себе представить, насколько горд был Альфред Нобель, который, не подозревая о будущем значении этой даты для премии, названной его именем, получил из рук директора приз (учебник античной истории) и табель с тремя «А». Это означало полный набор – самые высокие оценки по «прилежанию, разумению и поведению». Из 82 учеников только трое добились таких оценок. Двое других были на пару лет старше Альфреда Нобеля²⁴.

В социальном плане Альфреду было куда сложнее – отчасти потому, что он рос слабеньким мальчиком. Недавно введенные уроки гимнастики вряд ли доставляли ему удовольствие, а в одном из своих юношеских стихотворений Альфред Нобель описывает себя как одиночку на школьном дворе, «задумчивого наблюдателя». Пока одноклассники носились как угорелые, он стоял в сторонке как чужак, предаваясь своим мечтам. Альфред пишет, что в детстве был наделен «фантазией, уносившей в головокружительные дали». Остановиться ему было трудно. В мыслях он парил среди самых несбыточных надежд на золотое будущее. «Да, все было совершенно в мире мечтаний, где я становился душой всего. Вокруг меня толпились самые прекрасные, талантливые и влиятельные, и мое детское тщеславие глубоко впитывало ладан самообожествления! – Таковой была моя воображаемая жизнь»²⁵.

Рождество 1841 года принесло братьям Нобель не виданные ранее впечатления. Ни снега, ни льда – стояла такая теплынь, что на улицах Стокгольма местами распускались почки на кустах сирени²⁶. С тех пор, как их отец отправился за Балтийское море искать счастья, прошло четыре года. И доселе оставалось неясным, когда же семья сможет воссоединиться.

* * *

В отличие от Або Санкт-Петербург в конце 1830-х годов буквально вибрировал в предвкушении будущего. Иммануил Нобель обзавелся квартиркой в паре кварталов к западу от роскошного Исаакиевского собора, гигантские коринфские колонны которого пока скрывались за строительными лесами. А в Зимнем дворце на набережной Невы тысячи рабочих трудились день и ночь, спеша в рекордные сроки восстановить парадные анфилады для Николая I, сгоревшие дотла во время страшного пожара 1837 года.

Неподалеку, на Невском проспекте, теснились запряженные четверкой лошадей повозки и простенькие коляски, по тротуарам прогуливалась публика. По словам писателя и тогдашнего жителя Петербурга Николая Гоголя, в то время по главной улице часто шествовали «мужчины в длинных сюртуках с заложенными в карманы руками» и «дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках»⁸. Гоголь употребил такое сравнение: «Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящей тучей над черными жуками мужского пола»²⁷. Извозчики в синих кафтанах громкими криками подзывали седоков. Всегда шумно, всегда людно. «Внезапно появляется полк, шествующий под музыку, а то похоронная процессия с факелами и гробом, раскрашенным в самые яркие и кричащие цвета», – вспоминал путешественник, посетивший Петербург в конце 1830-х годов.

Если верить туристическим справочникам, невероятную панораму города невозможно было осознать за один день.

Санкт-Петербург был совсем молодым городом, основанным Петром I в 1703 году. Легендарный царь устал от православной националистической Москвы, которую монахи прежних лет превозносили как Третий Рим. Вместо этого он решил создать новую российскую столицу, устремляющую взгляд на Запад, на современную секулярную светскую Европу – по образу и подобию Парижа и других крупных европейских городов. После триумфальной победы над шведами под Полтавой в 1709 году он продолжал ориентироваться на Запад. Знати он повелел сбрить бороды и танцевать парижские менуэты.

Несколько десятилетий спустя эстафетную палочку приняла Екатерина Великая. Она трепетно отбирала полотна в западноевропейских собраниях, чтобы пополнить свой новый музей – Эрмитаж – шедеврами европейской культуры, и вдохновлялась перепиской с французскими философами-просветителями – настолько, что даже пригласила знаменитого швейцарского просветителя обучать двух своих старших внуков²⁸.

Ее старший внук Александр, пришедший к власти в 1801 году, воспринимался как правитель свободомыслящий и либеральный. Это впечатление сохранялось по крайней мере в течение первой половины его царствования. Александр I, среди прочего, смягчил цензуру, что привело к возникновению огромного количества петербургских газет. Считается также, что он помышлял об отмене крепостного права, однако, когда в 1838 году Иммануил Нобель прибыл в Россию, двадцать миллионов российских крестьян по-прежнему находились под игом феодального рабства.

После смерти Александра I его младший брат Николай I решительно положил конец всем западническим послаблениям. Реакция в правление Николая I отчасти связана с так называемым восстанием декабристов в день его коронации в 1825 году, которое он подавил при помощи массовых арестов и казни зачинщиков. Николай, который еще не родился, когда бабушка Екатерина давала своим старшим внукам воспитание в духе Просвещения, воспринял всю эту историю как европейский заговор против российской монархии и православной

---

⁸ Н. В. Гоголь. Невский проспект. — Прим. перев.

церкви. Дверь на Запад решительно захлопнулась. Новый царь вновь ввел цензуру и создал тайную полицию, так называемое Третье отделение, которой было поручено искоренять все, что хотя бы отдаленно напоминало оппозицию.

Несмотря на то что Николай I не вполне владел русским языком, в его правление официальным языком двора вместо французского стал русский. Придворным дамам пришлось надеть традиционные русские наряды, а министерствам предписывалось более широко распространять националистическую идеологию. Министр просвещения Уваров свел все это к трем ключевым понятиям, которые стали главными приоритетами официальной России: «самодержавие, православие, народность».

Вскоре у Третьего отделения дел стало невпроворот. Писатели-современники совсем распустились. Начало золотого десятилетия русской оппозиционной интеллигенции обычно датируют именно 1838 годом, когда Иммануил Нобель прибыл в Петербург. Правда, великий русский поэт Пушкин, которого Альфред Нобель позднее назовет в числе своих любимейших писателей, был убит на дуэли за год до этого²⁹. Однако его дело продолжили другие. Они решительно добавляли новых оттенков к тому приукрашенному образу Петербурга, который распространяли власти предрержащие. Не все жили в красоте и роскоши. В беднейших кварталах вдали от центра города царили нищета, голод и проституция. Давало знать о себе и то, что город построен на болоте. Ледяные влажные ветры проникали в каждую щель. Один из самых беспощадных правдолюбцев Николай Гоголь писал, что жизнь в Петербурге напоминает царство мертвых, где все «мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно»⁹.

Саркастические описания репрессий Николая I все чаще фигурировали в новой литературе и в конце концов переполнили чашу его терпения. Александр фон Бенкендорф, возглавлявший Третье отделение, призвал писателей к порядку, выпустив указания, как следует описывать российскую действительность: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение»³⁰.

Справедливости ради следует упомянуть, что суровый режим Николая I имел и другую сторону. За исключением постоянных военных конфликтов на Кавказе, можно сказать, что в России наступил период мира и относительной стабильности. Несмотря на суровое давление, именно в этот период наблюдался расцвет русской литературы, балета и музыки. Многие восхищались мощным авторитетом государя, считая его истинным проявлением русской натуры. «Человек очень властный, однако же привлекательный», – писала несколько лет спустя юная кронпринцесса Великобритании Виктория после встречи с высоким и статным Николаем I. Однако на этом ее похвалы закончились. «Он редко улыбается, а когда и улыбается, выражение лица у него все равно нерадостное, – констатировала она. – Вряд ли его можно назвать особо одаренным»³¹.

В одном царь Николай противоречил сам себе. С одной стороны, он желал возродить российское наследие, с другой – после восстания 1825 года не испытывал доверия к своим соотечественникам. Поэтому при его дворе толпились иностранцы, а в столице проживали множество немецких, шведских и прибалтийских инженеров и зодчих. Особенно доброй репутацией пользовались шведы. Когда в столице обосновался Иммануил Нобель, офицеров царской армии обшивал шведский придворный портной, а Карл Эдвард Болин вскоре стал придворным ювелиром. Шведские кузнецы и ремесленники пользовались все большим спросом.

Иммануил Нобель познакомился с другими приезжими шведами. Вскоре совместно с одним из них, бывшим директором из Эльвдалена, он открыл свою первую механическую мастерскую. Им удалось убедить богатого финляндского фабриканта, владельца кирпичных

---

⁹ Н. В. Гоголь. Невский проспект.

заводов Карла Леннгрена дать им ссуду, и, хотя первая мастерская долго не продержалась, добрые отношения с Леннгреном сохранились. Двадцатью годами позже Роберт Нобель обручится с дочерью Леннгрена Паулиной – очаровательной финской шведкой, за которой пытался ухаживать и младший брат Альфред³².

Из российских архивных документов явствует, что в это время Иммануил Нобель пытался параллельно продать российскому командованию идею быстрого возведения понтонных мостов из резиновых подушек³³. Однако удача улыбнулась ему только осенью 1840 года. Через своих высокопоставленных финско-шведских знакомых он попал в список приглашенных на роскошный прием, который давал генерал-губернатор Финляндии царский советник князь Александр Сергеевич Меншиков. Приемы он устраивал часто. Генерала-губернатора считали человеком светским, остроумным, но любившим находиться в центре внимания – как говорится в русской пословице, «на каждой свадьбе – женихом, на каждых похоронах – покойником»³⁴.

На тот момент князь Меншиков по-прежнему возглавлял российский флот. В свои пятьдесят два года он стоял на вершине своей карьеры и принадлежал к узкому кругу фаворитов, которые иногда обедали или ужинали наедине с императором. Кроме того, Меншиков только что побывал в Швеции, сопровождая Николая I во время краткого тайного визита в Стокгольм в 1838 году. Обожавший неожиданные визиты Николай умудрился добраться незамеченным до самого королевского дворца и устроить сюрприз Карлу XIV Юхану, внезапно появившись у него в кабинете во время чтения утренних газет³⁵.

О Николае говорили, что он ценит лояльных и услужливых советников, гораздо менее заботясь об их знаниях и профессионализме, поскольку его окружали одни военные.

Меншиков прекрасно соответствовал этим ожиданиям. Тот факт, что советники царя не отличались глубиной знаний, часто называется среди причин, приведших к резкому отставанию России в момент, когда в Англии и Франции начался период индустриализации. Положение еще более усугублялось тем, что Николай не проявлял ни малейшего интереса к происходящему на Западе. Ни в техническом, ни в экономическом, ни в военном отношении Россия уже не была той великой державой, которая ослепила мир после победы над Наполеоном.

Отставание вызывало тревогу, особенно в военных кругах Российской империи. В ответ Николай обычно создавал различные комитеты, вскоре они расплодились в таком количестве, что уследить за их работой стало невозможно. На приеме в роскошном дворце Меншикова на набережной Невы Иммануил Нобель оказался рядом с двумя членами одного из таких комитетов – генералом Карлом Шильдером и профессором физики Морицем Германом фон Якоби, которым император поручил создать эффективную морскую мину.

До этого момента Иммануилу Нобелю не приходилось иметь дело с взрывчатыми веществами. Он лишь мимоходом упоминал, что его резину, вероятно, можно использовать для противопехотных мин или хранения пороха. Однако, как он сам потом описал, беседа экспертов за столом увлекла его до крайности. Шильдер и Якоби испытывали на себе большое давление. Они обсуждали трудности, с которыми столкнулись при подготовке назначенного в скором времени испытания. Их идея, как понял из разговора Нобель, заключалась в том, чтобы кабелем соединить начиненные порохом мины с батареей, находящейся на берегу. По замыслу, у батарей должны были находиться несколько солдат. Когда дозорный сигнализировал, что над минами проходит неприятельский корабль, они должны были взорвать мины с берега.

«Но ведь это невозможно!» – подумал Нобель (если верить его биографическим запискам). Вслух он сказал:

– Но ведь это может закончиться удачей один раз из пятисот!

По словам Иммануила, от этого заявления генерал Шильдер резко поднялся.

– Так что, вы у себя в Швеции придумали что-нибудь получше? – спросил он в ярости.

– Уж не знаю, что там в Швеции, но я уверен, что можно достичь цели куда более простым и надежным способом, без всякого дозорного, – ответил Нобель.

Диспут достиг ушей Меншикова. Тот спросил, о чем спор, и тогда Шильдер попросил Иммануила объясниться.

– Лучше пусть корабль сам приведет в действие мину, столкнувшись с нею, – предложил Иммануил.

Шильдер начал посмеиваться. Прекрасная идея, но так ли уж просто ее осуществить? Готов ли Нобель доказать свой тезис экспериментом?

Импульсивный Нобель немедленно принял вызов, «ибо часто случай указывает нам путь», как сказано в его записках. До этого оружием и военной техникой ему даже близко не приходилось заниматься. Задним числом Иммануил утверждал, что его мучили сомнения, однако он пришел к выводу, что его дерзость все же имела оправдания. Морская мина, о которой он думал, не предназначалась для нападения, а лишь для обороны³⁶.

* * *

В качестве взрывчатого вещества в распоряжении Иммануила Нобеля и его конкурентов по-прежнему имелся только порох. Хотя этому продукту уже перевалило за тысячу лет, дымный порох по-прежнему оставался мировым монополистом. Все началось с того, что несколько китайских алхимиков в IX веке попытались найти эликсир бессмертия. Вместо этого в руках у них оказалось смертельное оружие.

Долгое время рецепт пороха держался в строжайшей тайне, однако потом он веками распространялся и дорабатывался, хотя суть оставалась прежней. Как сказал писатель XVII века, «калиевая селитра – душа, сера – жизнь, а древесный уголь – тело» взрывчатого порохового заряда.

В предыдущем столетии многие новаторы в области химии проявляли к пороху особый интерес. Даже знаменитый француз Антуан Лоран Лавуазье, которого еще называют отцом современной химии, немалую часть своей научной деятельности посвятил пороху. Лавуазье, живший в XVIII веке, вошел в историю как ученый, выделивший кислород и водород и давший им название, а также доказавший, что вода является смесью этих двух веществ. Он считается также создателем химии как науки, поскольку ввел систематизированные количественные исследования вместо поверхностного толкования разрозненных экспериментов. Именно такими методами ему удалось в 1770-х годах подорвать распространенное в те времена представление об «огненной субстанции». Долгое время утверждалось, что существует особое вещество, флогистон, которое высвобождается и исчезает, когда что-либо горит. Лавуазье опроверг эту теорию и доказал, что в процессе горения химические элементы связываются с кислородом. Это открытие имело такое значение, что его даже называли «революцией в химии».

Лавуазье заседал в Парижской академии наук, имея такую солидную репутацию, что его назначили управляющим пороховым делом. Но в период французской революции и особенно в годы, последовавшие за ней, у него начались серьезные неприятности. Лавуазье стал жертвой чисток, был обвинен в мошенничестве в пороховом деле и в налоговых преступлениях. К тому же утверждалось, что он продавал порох вражеским государствам – это обвинение французское правительство через сто лет предъявит и Альфреду Нобелю.

В ответ на несправедливый суд, приговоривший его к смертной казни, Лавуазье выступил с прошением об отсрочке, с целью «закончить исследования на благо человечества». Но председатель трибунала остался непреклонен. «Республика не нуждается в ученых», – якобы заявил он³⁷.

Восьмого мая 1794 года Лавуазье был гильотинирован на площади Революции (ныне – площадь Согласия). «Им понадобилось одно мгновение, чтобы срубить такую голову с плеч, а теперь не хватит и ста лет, чтобы найти подобную», – воскликнул один из коллег Лавуазье по Парижской академии наук, услышав о его смерти³⁸.

* * *

В задаче с морскими минами существовала одна фундаментальная проблема: порох не дружит с водой. Электричество и вода тоже не самая удачная комбинация, как смог убедиться Иммануил Нобель. Идея генерала Шильдера и Якоби о дистанционно управляемой мине базировалась на изобретении итальянца Алессандро Вольты, сделанном за сорок лет до этого, гальванической батарее, первом в мире химическом источнике тока. Правда, Шильдер и Якоби могли расположить свою батарею в сухом и надежном месте на суше, однако предполагалось, что электрический ток будет проведен по воде – такой орешек разгрызть не просто.

12 октября 1840 года все было готово для испытаний альтернативной идеи Иммануила Нобеля. Некоторые члены царского комитета уже в десять часов утра собрались у моста через Малую Неву, неподалеку от дачи генерала Шильдера на Петровском острове.

Нобель нервничал. Он потребовал изготовить из грубых деревянных балок плот, который должен был изображать неприятельское судно. «Мину» он сделал из деревянного ящика, в который положил порох и три трубки-детонатора. Он понимал: велик риск, что мина взорвется преждевременно, ибо толчок лодки, с которой они его ставили, может легко испортить все дело. Он еще больше разнервничался, когда выяснилось, что матросы, которые должны были доставить его на место в гребной лодке, говорили только по-русски и не понимали его инструкций. Все они находились в смертельной опасности. Нобель аккуратно пристроил мину на корме и сел в лодку. Только когда мина была спущена на воду и они благополучно вернулись к мосту, он смог перевести дух.

Идея сработала. Плот несло к мине. Когда он коснулся трубок-детонаторов, «она немедленно взорвалась, подбросив плот в воздух», если верить официальному отчету членов комитета, написанному на следующий день. Шильдер был вне себя от радости. Он обнимал и целовал Нобеля, лихо отплясывал на мосту. В рапорте императору комитет не скупился на похвалы. Изобретение Нобеля «превосходило все предыдущие». Нобелевская мина «с большим успехом» могла применяться в качестве «оружия против подступающего с моря врага»³⁹.

По сохранившимся оригинальным рукописным документам в Архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге легко можно увидеть продолжение этой драматической истории. Рапорт о нобелевской мине отослали царской семье, вернее, великому князю Михаилу Павловичу, любимому брату Николая I. Это было вполне естественно. Младшему брату Николай поручил все, связанное с армией и артиллерией, и почти все, что касалось нового огнестрельного оружия, ложилось ему на стол.

В дальнейшем семье Нобель придется часто иметь дело с великим князем Михаилом Павловичем. Его описывают как натуру двойственную. С одной стороны – суровый и требовательный военный, не меньше старшего брата обожавший военные парады, с другой – циничный шутник, внезапно появлявшийся в литературных салонах жены Елены с сигарой в руке.

Михаила царь слушал как никого другого. Разница в возрасте между братьями составляла всего два года. Они выросли вместе и даже скрепили память о детской братской дружбе, заказав специальные кольца. Теперь от него зависела дальнейшая судьба семьи Нобель.

Великий князь дал добро. Экспертам комитета было велено договориться со шведским изобретателем о сотрудничестве. Великий князь не дрогнул даже тогда, когда комитет высказал ряд вопросов по поводу такого решения. Чего стоит обещание Нобеля хранить работу в

тайне, если все разговоры с ним придется вести через переводчика? И не слишком ли велико вознаграждение – 25 000 рублей, – которое он запросил за свое изобретение⁴⁰?

Михаил Павлович ничего не желал слышать. Иммануил Нобель получил тысячу серебряных рублей за эксперимент и обещанное жалованье 25 рублей в день, если возьмется развивать свою идею. Наконец-то лед тронулся⁴¹.

Иммануил продолжил работу, и к осени 1841 все было готово для нового, решающего эксперимента. Но тут в Санкт-Петербурге установилась ненастная погода, и все пришлось отложить до окончания зимы.

Несмотря на временные затруднения, интерес к минам Иммануила в Зимнем дворце теперь даже возрос. По словам самого Иммануила, это объяснялось тем, что оружейный комитет приглашал его с целью исправить негодную конструкцию ружья. Дело прошло так успешно, что Иммануил получил аудиенцию у самого Михаила Павловича, а тот, в свою очередь, показал усовершенствованное Нобелем ружье своему брату, Николаю I.

Царь решил, что швед Нобель будет получать вознаграждение в течение всей зимы, чтобы продолжить работу над своей миной. Когда по весне Иммануил потребовал для будущего эксперимента баржу и двухмачтовое судно, чиновники военно-морского ведомства заскрежетали зубами, однако Николай I вмешался и пообещал закупить необходимые суда, если их невозможно выделить другим образом⁴².

Теперь оставалось только выдержать испытания. Они должны были проходить второго сентября 1842 года у так называемого Синего моста через реку Охту. Изначально предполагалось, что император будет лично присутствовать при взрыве парусного судна. Однако в результате прибыли Михаил Павлович и старший сын Николая 24-летний Александр (будущий император Александр II). Стоя на холме, они наблюдали за экспериментом, который прошел удачно.

Две недели спустя пришло решение Николая I. Он выделил иностранцу Иммануилу Нобелю 25 000 серебряных рублей за изобретение «секретной» морской мины. От Нобеля же требовалось обязательство «не раскрывать свою тайну никакому иному государству»⁴³.

Если исходить из поденной оплаты самого Нобеля, то вознаграждение равнялось его зарплате за четыре года. Для сравнения можно сказать, что роскошная шинель, на которую полгода копил деньги Акакий Акакиевич в рассказе Гоголя «Шинель», стоила 150 рублей. В пересчете на современные деньги Иммануил Нобель получил за свою морскую мину пару миллионов крон.

Иммануил, который по ходу дела не раз угрожал уехать обратно в Швецию, теперь принял окончательное решение. Он выхлопотал необходимые бумаги, чтобы семья смогла приехать к нему в Санкт-Петербург⁴⁴.

В Стокгольме Андриетта уже готовилась к отъезду. 13-летний Роберт опять поступил на судно помощником стюарда и ушел в плавание – он должен был вернуться не раньше лета 1843 года. 11-летний Людвиг закончил школу и начал работать в кондитерской в городе. В школе Св. Якоба учился только Альфред. Проучившись в апологистической школе всего два с половиной семестра, он за три дня до своего девятилетия получил аттестат. «Успеваемость по всем предметам: Отлично. Прилежание: Отлично. Поведение: Отлично».

Это был лучший аттестат, выданный в том семестре в школе Св. Якоба⁴⁵.

Глава 3. На распутье между романтикой и просвещением

Андриетта Нобель и слышать не хотела о том, чтобы пересекать ледяное Балтийское море на утлом почтовом суденышке. Роскошный пароход Solide должен был сделать еще несколько рейсов в Або до того, как начнется зимний перерыв в навигации. На корабле имелись «салоны для господ и для дам», а также семейные каюты для тех, у кого водились деньги. За двое суток путешествия через Балтийское море предлагалось «три приема пищи в день, хорошая водка и квас к каждой трапезе».

21 октября 1842 года, в день девятилетия Альфреда, Андриетта получила паспорт для поездки в Санкт-Петербург – на себя и «двух малолетних детей». Ее брату Людвигу Альселю предоставили на таможене отпуск на несколько дней, чтобы помочь ей в поездке. Андриетта взяла с собой и служанку Софию Вальстрём, которая надолго останется в семье Нобель на новой родине.

Следующий рейс Solide в Або был назначен на вторник 25 октября с остановками в Фюру-сунде и на Аландских островах. Билеты Андриетта могла получить в конторе компании у моста Слоттсбрун не позднее семи часов в понедельник¹. Несколько дней стояла туманная и ветреная погода, шли дожди, но на рассвете вторника, когда Solide отчаливала от Шеппсбрун¹⁰, ветер стих.

Когда Андриетта и сыновья покидали Стокгольм, у всех на устах было имя только что вернувшейся из Парижа молодой придворной певицы Йенни Линд, которая очаровала стокгольмскую публику исполнением заглавной партии в опере Беллини «Норма». Во взрослом возрасте Альфред Нобель станет одним из самых верных почитателей знаменитой «соловухи» Линд.

Почти 80-летний Карл XIV Юхан, как обычно, готовил себе зимнюю берлогу в отапливаемой изразцовыми печами спальне дворца. Зимой он мог себе позволить править Швецией прямо из королевской опочивальни, в стране царил относительно политическое спокойствие. Радикальная оппозиция значительно умерила свой пыл, ожидая, пока более прогрессивно настроенный кронпринц Оскар сменит своего отца на троне.

Семья Нобель эмигрировала из страны с населением чуть больше трех миллионов человек, где девять из десяти жителей проживали в сельской местности. Андриетте было 39 лет. В той стране, которую она покидала, женщины по-прежнему считались недееспособными. Каждый год пятьсот женщин умирали при родах. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 45 лет.

Но в мрачной симфонии звучали и радостные нотки. В октябре 1842 года в Стокгольме продавались свежие устрицы. Книготорговцы привлекали публику новым комическим романом «Хитрец и его несчастья» и восемнадцатым томом справочника по самым ярким интеллектуалам Швеции².

Шведская столица была маленьким городком в сравнении с Санкт-Петербургом, где в начале 1840-х годов насчитывалось более полумиллиона жителей, то есть в шесть раз больше, чем в Стокгольме. Иммануил Нобель переехал и проживал теперь в новом доме на Литейном проспекте, пересекавшем главную улицу – Невский проспект. Квартира в таком месте во всех отношениях означала продвижение в карьере, и не только потому, что дом, украшенный двумя дорогостоящими эркерами, был построен одним из самых известных архитекторов Санкт-Петербурга³. Здесь бывали многие знаменитости. Некоторое время в этом квартале жил великий русский поэт Пушкин. Многие писатели последовали его примеру, среди прочих –

---

¹⁰ Шеппсбрун – старейшая набережная Стокгольма. — Прим. ред.

поэт и издатель, открывший в 1840-х годах Достоевского и опубликовавший его первый роман «Бедные люди».

Вскоре вдоль Литейного открылись книжные лавочки. Народ съезжался сюда со всего Петербурга, чтобы найти последние литературные новинки. Но к тому времени, когда сюда перебрался Иммануил Нобель, это место было известно прежде всего крупнейшими царскими оружейными заводами и арсеналом, где трудились тысячи рабочих. Оружие и литература – это место словно специально было создано для семьи Нобель⁴. Иммануил с нетерпением ждал прибытия семьи. Однако Андриетта с детьми все не приезжала.

* * *

Государственный архив РФ в Москве – золотое дно. Мой помощник-исследователь проверяет даты, которые я ему сообщаю, и находит семейный паспорт Андриетты, Людвига и Альфреда. Бумага в больших желтых пятнах, паспорт лежит в потрепанной папке Третьего отделения. На обороте паспорта я вижу, что Андриетта с сыновьями получили свою красную печать и зарегистрировались в полицейском управлении Або 27 октября 1842 года. Других отметок нет.

В том же архиве хранится объемистая книга учета всех иностранцев, прибывающих в Санкт-Петербург. Российская тайная полиция уже тогда работала четко. Однако никаких упоминаний об Андриетте и мальчиках там не обнаруживается – ни в ноябре, ни в декабре 1842-го. И в январе 1843-го тоже.

Только открыв записи за следующий месяц, мы находим то, что искали. 26 февраля 1843 года Андриетта, Людвиг и Альфред зарегистрированы как прибывшие в российскую столицу.

Как они, должно быть, тосковали, как считали дни! Что же произошло? Документы не дают подсказок. Может быть, кто-то из них заболел или же Андриетта оставалась у друзей Иммануила в Або в ожидании, пока установится санный путь?

Нам остается только строить догадки. Когда они наконец добрались до места, Андриетта сообщила ровно столько информации, сколько потребовала российская полиция. Она указала, что она жена фабриканта Иммануила Нобеля и что прибыла в Санкт-Петербург с их совместными детьми, чтобы поселиться в его доме «Лит. 4 № 400» (сегодня – Литейный пр., 34)⁵.

* * *

Иммануил встречал их хорошими вестями. Он успел познакомиться с российским инженером Николаем Александровичем Огаревым, который вот уже несколько лет служил адъютантом при брате царя великом князе Михаиле Павловиче. Огарева только что избрали в царский комитет по морским минам. К тому же у него имелся на примете участок под строительство фабрики на окраине Санкт-Петербурга. Вместе они планировали открыть механическую мастерскую и кузницу. Фирма будет называться «привилегированная колесная фабрика Огарева и Нобеля»⁶.

Морские мины, решившие на время финансовые проблемы Иммануила, по-прежнему находились на стадии эксперимента. Много еще предстояло сделать, прежде чем запускать их в производство. Тем временем Нобель и его новый компаньон начали претворять в жизнь

парочку других идей. Например, они сконструировали станок для изготовления колес из закаленного дерева, получив на него в России 10-летний патент. Вскоре они наладили производство этих колес и продажу их российской армии. Окрыленный успехом с морской миной, Иммануил пытался теперь разработать мину, которую российская армия смогла бы применять на суше.

Великий князь Михаил Павлович живо интересовался работой двух компаньонов, «смазывая», когда требовалось, бюрократическую махину. То, что его адъютант Огарев сидит на двух стульях, его нисколько не заботило. В правление Николая I все, связанное с армией, становилось приоритетом. Нередко один и тот же человек и представлял государство, и наживался на прибыльной военной промышленности.

Николай Александрович Огарев имел дворянское происхождение и умел продвигаться, используя для этого каждую возможность. Будучи на десять лет моложе Иммануила, он уже имел за спиной долгую военную карьеру. Увенчанный орденами, он, однако же, был известен тем, что умел рассмешить любого. На досуге он занимался сочинением стихов. В то время Огарев собирал материал для «драматического повествования» под названием «Оскорбленная подозрением невинность, или праведный охотник», которое сохранилось для потомков в его личном архиве.

Почти десять лет Нобель и Огарев вместе управляли своим предприятием. Один из коллег Огарева охарактеризовал его как «человека доброго и приятного», подчеркивая, однако, что с Николаем Александровичем надо держать ухо востро: «...играй как с медведем, всё ничего, всё ничего, а как вдруг озлится да ни с того ни с сего и тыпнет»⁷.

Младшие Нобели покинули Швецию в тот год, когда появились народные школы. Швеция и ранее была известна тем, что там даже самые бедные крестьяне обычно умели читать и писать. В России наблюдалась обратная ситуация. Кто-то подсчитал, что в начале 1840-х годов лишь один из сорока взрослых жителей России знал грамоту настолько, чтобы уметь прочесть стихи великого Пушкина хотя бы по слогам. В тот год, когда Альфред Нобель прибыл в Санкт-Петербург, только 200 000 российских детей обучались в школах – и это в стране с населением более чем в 60 млн. Разрыв в образовательном уровне между городом и деревней оставался огромным.

В Петербурге существовала шведская церковная школа. Ее организовали при церкви Св. Екатерины, среди паствы которой доминировали шведы из Финляндии, мощным потоком хлынувшие в столицу. В предшествовавшие годы деятельность школы сильно расширилась. Она даже получала финансовую поддержку от императора – с условием, что детей, помимо шведского языка, будут обучать русскому, немецкому, каллиграфии, арифметике и религии.

Неизвестно, посещали ли Людвиг и Альфред шведскую церковную школу, возможно, временно, в ожидании старшего брата. Всю весну 13-летний Роберт пересекал Северное море на бриге *Astrea* и воссоединился с семьей в Санкт-Петербурге только в июне. К этому моменту Андриетта уже была на четвертом месяце беременности. В конце октября у Нобелей родился долгожданный младший брат их трех сыновей. Последышу дали имя Эмиль Оскар⁸.

Теперь Иммануил Нобель был человеком состоятельным и мог обеспечить своим старшим сыновьям домашнего учителя. Из его письма домой в Швецию мы узнаем, что именно так в конце концов решился вопрос с их обучением. Традиционно для этого нанимали студентов университета, однако семья Нобель искала учителя со знанием шведского языка. Выбор пал на Ларса Бенедикта Сантессона. Сын судовладельца, юрист лет пятидесяти с небольшим, он когда-то работал при шведском дворе, но потом, просядив все свое состояние в азартных играх, сбежал от долгов в Россию.

Сантессон, проживший в Петербурге четверть века, кормился за счет преподавания языков в кадетском училище. О нем говорили, что он «человек со светлым умом и большой чиновничьей сметливостью». Его частные ученики со временем отлично освоили русский язык, хотя

от акцента избавиться так и не смогли, даже Людвиг, который остался в России на всю жизнь. Во взрослом возрасте Альфред, похоже, избегал русского языка, если судить по его обширной переписке, обычно он писал на шведском, английском, французском или немецком⁹.

Магистр Сантессон был человеком образованным и остроумным, постоянно следил за бурной интеллектуальной жизнью российской столицы 1840-х годов. И наверняка познакомил своих новых шведских учеников с лучшими образцами литературы и философии¹⁰.

* * *

В своей книге «Русские мыслители» (Russian Thinkers) британский историк российского происхождения Исая Берлин¹¹ описывает интеллектуальный мир России и Санкт-Петербурга 1840-х годов. Долгое время тон задавала кучка интеллектуалов, объединившихся вокруг страстного и энергичного литературного критика Виссариона Белинского. Многие из них ездили учиться в Германию – как естественное следствие того, что царь Николай вырубал на корню всякие мысли, исходившие из «опасной» постреволюционной Франции.

Съездив в Германию, русские путешественники возвращались домой, переполненные метафизическими идеями немецких философов вроде Фридриха Шеллинга и Фридриха Гегеля. Всем сущим, утверждали они, управляют не механические законы, которые можно обнажить в научных экспериментах. Глубинные загадки бытия можно познать лишь на мыслительном уровне. Мысли, чувства и поэзия важнее всех на свете пробирок для того, кто хочет понять, как устроен мир.

По мнению модных тогда в Петербурге немецких философов, главным предназначением человека является поиск квинтэссенции «духовного начала». Именно оно открывает истину и абсолютную красоту. В таких поисках микроскопы не помогают. Каждый должен найти свой собственный внутренний свет, свой собственный «отзвук космической гармонии». Ответы и идеалы сокрыты не в поверхностной повседневной действительности.

Идейная подоплека романтической философии пришлась по вкусу юным русским мыслителям. Берлин писал: «Для каждого, кто был молод и не чурался идеализма в России в период с 1830 по 1848 год или просто по-человечески ужасался социальным условиям в стране, было утешением услышать, что возмутительные черты российской жизни – безграмотность и нищета крепостных, необразованность и ханжество духовенства, коррупция, неэффективность, грубость и своеволие правящего класса, мелочность купцов, лесть и бесчеловечность – вся эта варварская система, по словам западных ученых, представляла собой лишь пузырь на поверхности жизни»¹¹.

У этих идей было множество адептов. В России первым возник культ Фридриха Шеллинга. Этого философа мало интересовали естественно-научные достижения. Зато восхищали открытия в области электричества и магнетизма. Для него это стало наглядным доказательством существования в природе сил, которые могут подключаться к духовной Вселенной. Природа вовсе не является мертвой материей, как заявляли философы-просветители.

Шеллинг не исключал, что научным путем можно добиться результатов, указывающих на универсальную истину, «духовное начало». Однако важнее был сам подход. Всегда и во всем духовное целое объясняло суть отдельных частей, а не наоборот. Поэтому наука никогда не доберется до истины, утверждал немецкий философ. И только через «высшие человеческие проявления», такие как искусство и философия, чувства и воображение, человеку дано нащупать связь с высшим духовным сознанием.

---

¹¹ Сэр Исая Берлин (1909–1997) – английский философ, родившийся в Риге (тогда – территория Российской империи) и вместе с семьей эмигрировавший в Великобританию в 1921 г. Историк идей, переводчик русской литературы и философской мысли, один из основателей современной либеральной политической философии. — *Прим. ред.*

Юный Альфред заинтересуется литературой и философией не меньше, чем естественными науками. Очень вскоре волна русского романтизма захватит и его¹².

* * *

Заводские помещения Огарева представляли собой два каменных одноэтажных здания и располагались на противоположной от Зимнего дворца стороне Невы, на набережной ее притока Большой Невки, в нескольких километрах от Петропавловской крепости. Эта часть города называлась Петербургская сторона (ныне Петроградская сторона).

Иммануил Нобель и его компаньон основали в одном здании фабрику по производству колес, а в другом – механическую мастерскую. В середине 1844 года у них работали двадцать восемь человек, были паровая машина и кузница¹³. Императорское расположение не только сохранялось, но и росло с каждым удачным минным экспериментом в водах вокруг Санкт-Петербурга. При испытаниях часто присутствовал великий князь Михаил Павлович, судя по всему, он был доволен происходящим. Когда Огарев подал прошение о крупном займе для расширения производства, великий князь уговорил своего брата императора одобрить его, несмотря на возражения Министерства финансов.

Николай I дал согласие на масштабное испытание нобелевских мин в фарватере вокруг крепости Свеаборг под Гельсингфорсом. Но в дело вмешался морской министр Меншиков. Правда, Меншиков первым ухватился за предложение Иммануила Нобеля во время ужина несколькими годами ранее, однако он был также и губернатором Финляндии. Он поделился своими сомнениями относительно секретности. В конце концов, они не должны забывать, что имеют дело со шведским подданным. «Следует отметить, что спуск на воду этих мин будет невозможно сохранить в тайне, ибо прибытие изобретателя Нобеля в Свеаборг неизбежно привлечет к себе внимание, так как о его деятельности на этом поприще уже неоднократно сообщали шведские газеты», – писал Меншиков в личном послании Михаилу Павловичу в марте 1845 года.

Он предостерегал от шведской прессы, «журналисты которой используют каждую возможность выставить действия русского правительства в неблагоприятном свете»¹⁴.

Между тем размышления Нобеля о противопехотных минах вызвали все больший интерес. Энтузиазм Михаила Павловича еще больше укрепился, когда у него на глазах Иммануил взорвал большой кусок земли, достаточный, чтобы уложить колонну из пятидесяти человек. Летом 1846 года Иммануил повторил свой успех. Николай I, который той же осенью оказал Нобелю честь своим присутствием при очередном испытании, наградил шведа, велел вручить ему еще 10 000 рублей¹⁵.

Похоже, отец Альфреда Нобеля боролся с внутренними сомнениями морального плана по поводу своих попыток зарабатывать деньги изобретением столь мощного оружия. Позднее он так объяснял свое поведение в документе, составленном на французском языке: «Когда у меня родилась идея такого оружия, я не преследовал цели сделать войну еще более кровопролитной и разрушительной, скорее наоборот – затруднить ведение войны или вообще сделать невозможной в ее нынешних масштабах, обусловив наступление врага такими крупными жертвами, что всякое объявление войны стало бы равносильно заявлению о собственной гибели»¹⁶.

Эту мысль Альфред Нобель будет неоднократно повторять много лет спустя.

Так или иначе, постоянно растущая семья Нобель обнаружила золотое дно. В конце 1845 года у Андриетты и Иммануила родился еще один сын, Рольф. Теперь в семье стало пять сыновей. Судя по всему, примерно в это время они начали подыскивать более просторное жилье. Выбор пал на серую деревянную виллу конца XVIII века в стиле неоклассицизма, которую сдавала внаем одна вдова. Дом располагался по соседству с фабрикой Огарева и Нобеля у

Большой Невки. Одноэтажное здание было построено в едином стиле и, по словам родственников, «выгодно отличалось от унылого и примитивного окружения». Фасад, выходивший на набережную, украшали огромные белые колонны. С обеих сторон от главного входа восседали фигуры львов¹⁷.

В этом доме Альфреду Нобелю предстояло прожить большую часть своего двадцатилетнего пребывания в России.

* * *

Где в современном Петербурге искать следы того «серого дома»? На сайте Нобелевского фонда и большинстве источников в качестве «дома, где вырос Альфред Нобель», указана деревянная вилла по адресу Петроградская набережная, 24. Холодным зимним днем в январе 2017 года я иду вдоль гранитной набережной Большой Невки. Фабричные трубы рисуют темные полосы дыма на серо-голубом небе. Мимо проезжает такси с рекламой фирмы по доставке еды «Достаевский».

Дом по адресу Петроградская набережная, 24, найти несложно. На широком тротуаре перед ним установлен оригинальный бронзовый монумент в память об Альфреде Нобеле. Статуя должна представлять собой «Древо жизни», однако искореженные металлические детали скорее напоминают осколки после взрыва.

Деревянный дом, виденный мною на старинных фотографиях, сохранился. Сейчас он желтого цвета с белыми деталями. Я перехожу улицу, открываю дверь – и попадаю в шоурум кухонных гарнитуров. Споты под потолком, блестящий новехонький кафельный пол... А чего я ожидала?

Продавщица говорит, что слышала, будто в этом доме когда-то жил Альфред Нобель, но точно не знает. Во всяком случае, внешний вид дома с XIX века не менялся, и подвал сохранился в первозданном виде. Она предлагает мне его показать. Следом за ней я спускаюсь по металлической лестнице, отмечая все, что вижу: каменные стены, выкрашенные зеленой краской, пожелтевшие газеты, поломанную обувную коробку. От пыли щиплет в носу. Сердце бьется чаще.

Внезапно продавщица останавливается. Ключа от подвала нет на месте. Она просит меня зайти в другой раз.

Несколько недель спустя я успела прошерстить все, что есть в исторических источниках об этом квартале. Мне не нужно возвращаться. Памятник Альфреду Нобелю в Санкт-Петербурге стоит не на том месте. Он никогда не жил в доме, где сегодня торгуют кухонными гарнитурами. Фабрика Нобеля находилась не здесь.

Чуть позднее мой вывод подтверждается проверкой архитектурного наследия Санкт-Петербурга. Участок семьи Нобель имел номер 1319, но во времена Альфреда был разделен на три части. Дом, в котором проживала семья Нобель, находился в самом дальнем конце. Правильный адрес – Петроградская набережная, 20, где сегодня располагается бизнес-центр со стеклянным фасадом¹⁸.

Представленный на фото в отчете эксперта дом, где вырос Альфред Нобель, был разобран во время Второй мировой войны. Такова печальная правда. В суровую зиму блокады Ленинграда доски использовали как дрова.

* * *

Петроградская сторона на самом деле представляла собой остров, и в 1840-х годах считалась окраиной города. В квартале, куда переехали Нобели, соседствовали овощные грядки, заводы и бараки рабочих. Здесь почти не ощущался пульс столицы, жизнь большого света с театрами и ресторанами. В очерке 1844 года Петроградская сторона описывается как место, где даже весьма небогатый чиновник мог за бесценок приобрести болотистый участок земли, постепенно отстроить себе деревянный домик из дешевых материалов и потом, выйдя на пенсию, убеленный сединами, коротать там остаток дней. «Таким образом росла эта странная часть города, состоящая почти исключительно из маленьких домишек ... с зелеными ставнями, всегда с садиком и цепной собакой во дворе. За хлопчатобумажными занавесками на окнах можно было различить горшки с пеларгонией, кактусами или китайской резедой – и клетку с канарейкой или чижом. Короче говоря, патриархальный, идиллический деревенский мир» – так говорится в другом описании Петербургской стороны того же времени¹⁹.

В темное время года Петербургская сторона оказывалась отрезанной от города, поскольку постоянных мостов тогда не существовало. Как только лед наконец-то сходил, все с нетерпением ждали, пока комендант Петропавловской крепости первым пересечет Неву в своей лодке. По традиции он должен был войти в Зимний дворец, протянуть царю кубок с водой из Невы и вернуться на причал с серебряной монетой, полученной взамен. Это был сигнал к началу навигации.

Водную гладь мгновенно заполняли парусники и гребные лодки. Устанавливались понтоновые мосты, после чего уличные торговцы, бродячие музыканты и артисты рассредоточивались в лабиринте улиц на Петербургской стороне. Приезжали в своих экипажах городские жители, желавшие взглянуть на сады и вкушать деревенской жизни, – те из них, у кого не было собственных дач.

Летом здесь пасли скот. Популярным развлечением были гусиные бои на реке Карповке к северу от дома Нобелей. На Сытном рынке всегда продавались свежая рыба и мед. Там теснились огромные бочки с черной икрой, а когда подходил сезон, предлагались «русский виноград» (клюква) и грибы. Если же человек покупал водку, то ему нередко предлагали закуску в виде ложки черной икры совершенно бесплатно.

Петербургская сторона оживала, но и лето не обходилось без своих напастей. Горожане с ужасом упоминали клубы пыли, кружившиеся по улицам, и мучительные нашествия комаров. Правда, магические «белые ночи» Петербурга многое скрашивали, но они очень быстро заканчивались. Едва листья начинали желтеть, свет и тревожность отступали.

А вот жизнь продолжалась. Наступала осень, а вместе с ней и наводнения, порой превращавшие дома в руины и уносившие иногда человеческие жизни. В эту пору немалая часть Петербургской стороны превращалась в непроходимое болото, и ни один извозчик не соглашался отвезти путника на эти плохо освещенные улочки, «в это царство толстой и безбрежной, никогда не высыхающей грязи».

Однако набережная Большой Невки, где теперь проживала семья Нобель, считалась местом куда более изысканным. Чем ближе к Невке, тем больше аристократов, тем меньше позабытых актеров, мелких чиновников, никому не нужных поэтов и несчастных вдов, которых так много водилось в округе.

Наступала зима, дышавшая холодом на всех без разбору, а с ней – сырость, жестокие восточные ветры и непроглядная тьма – то время года, когда даже самые терпеливые жители Петербурга впадали в зимнюю спячку или же пробирались по темным улицам с фонарями в руках, избегали выходить из дому без надобности и проводили время, устраивая у себя дома небольшие балы.

Город, в котором рос Альфред Нобель, современники описывали так: «...из 365 дней в году 162 мерзнешь беспрерывно, 59 мерзнешь только по утрам и вечерам и 144 дня – без мороза». Согласно статистике, количество солнечных дней в Санкт-Петербурге в течение всего года не превышало 60²⁰. В этом городе стук копыт постоянно заглушали звуки царских военных парадов, нередко столь частых, что они влияли на атмосферу в городе. «Этот гранит, эти мосты с цепями, этот навязчивый бой барабанов, все это подавляет и угнетает», – сетовал писатель-оппозиционер в 1846 году²¹.

* * *

Мало что известно о настроениях, царивших в семье Нобель в детские годы Альфреда. Несколько лет спустя в одном из своих стихотворений он сам набросает портрет счастливых родителей. «Мать – в объятьях своего супруга: / Нежные объятья скажут вновь, / Что ему мила его подруга, / И, как прежде, их цветет любовь». Очень тепло будет он описывать родителей, чья «верная забота заложила / На годы нежность в сердце у детей»¹². Легко предположить, что писал он этот образ с Иммануила и Андриетты.

Близкие знакомые семьи рассказывали, что мама Андриетта относилась к детям с теплом и добрым юмором. К сожалению, письма этого периода лишь иногда дают нам возможность заглянуть в повседневную жизнь семьи. Так, из письма Андриетты от 1847 года мы узнаем, как она рада приезду своей золовки из Стокгольма. Альфред, которому почти четырнадцать, и его братья вновь повстречались со своей пятнадцатилетней кузиной Вильгельминой (Миной). После отъезда родственниц настроение у мальчиков резко упало. В другом письме Андриетта рассказывает, что мальчикам теперь «еще горше, что у них нет сестры». Однако на деле чувства оказались куда более пылкими. Позднее Людвиг женится на Мине²².

Иммануил Нобель никак не относился к тем жителям Петербурга, которые зимой «сбавляли обороты». В начале 1848 года постоянно растущий завод, принадлежавший ему и Огареву, уже работал на полную мощность – и в первую очередь благодаря усилиям самого Нобеля. Будучи адъютантом великого князя, Огарев частенько был занят другими делами. Компаньон Нобеля обычно сопровождал Михаила Павловича в его путешествиях, к тому же Николай I постоянно осыпал его почестями за прекрасно организованные благотворительные маскарады и прочие увеселения в летней резиденции царской семьи в Петергофе. Среди того, что сам Огарев считал второстепенным обстоятельством, возможно, стоит упомянуть, что его жена – бывшая придворная дама – родила ему одного за другим семерых детей, и всем еще не исполнилось десяти лет²³.

Огарев владел уже несколькими участками на Большой Невке, которые можно было задействовать под расширяющееся производство Нобеля²⁴. В своем письме шурина Людвигу Альселю Нобель писал в это время, что «работы» у него «по горло». Если Иммануил на что-то и жаловался, то лишь на трудности в поисках квалифицированной рабочей силы – людей, которые не просто хотели «получать как можно больше, делая как можно меньше». Теперь он обзавелся для своего завода прокатным станом и послал одного из своих людей в Швецию для найма тамошних рабочих. Он просил шурина помочь в подборе людей, обещая за это «бочонок черной икры, которая авось не испортится по дороге из-за плохой погоды».

В 1848 году Иммануил смог поделиться со шведскими родственниками потрясающей новостью:

---

¹² Здесь и далее, если не указано иное, стихотворения и отдельные стихотворные строки приводятся в переводе А. Алешина. – Прим. перев.

«В следующем месяце к нам пожалует вся царская семья: Николай, Александр, Михаил и Максимилиан¹³ сами напросились в гости, чтобы посмотреть завод. От этого визита мы ожидаем хороших последствий, но на сегодняшний день это нам дорого обходится»²⁵.

Однако вскоре у Николая I появились заботы иного рода.

* * *

24 февраля 1848 года возмущенные демонстранты ворвались в Тюильри – дворец французского короля Луи-Филиппа I в Париже. Беспорядки там продолжались уже три дня, число жертв достигло 350. Поводом послужило то, что король запретил политический банкет, реальной причиной – недовольство народа, зревшее уже несколько месяцев.

Луи-Филипп осознал серьезность положения. Он отрекся от престола и бежал из страны в чужом наряде под вымышленным именем «мистер Смит». Королевская власть рухнула. Родилась вторая французская республика.

Когда до Николая I дошли вести из Парижа, он якобы ворвался в зал, где проходил придворный бал, и прокричал: «Господа, седлайте коней! Во Франции объявлена республика!» Все замерли, «словно громом пораженные», записал в своем дневнике сын царя. Так начался период, который потом называли «семь темных лет»²⁶.

Та февральская неделя многое перевернула в истории. Всего за несколько дней до парижского восстания Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали в Лондоне «Манифест Коммунистической партии». Маркс и Энгельс начинали свой манифест словами «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» и заканчивали классическим призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»²⁷

Революционные настроения из Франции распространились по всей Европе. В марте венгры восстали против австрийского правления, в том же месяце волнения докатились и до Стокгольма. На шведском троне восседал новый регент Оскар I, сменивший Карла XIV Юхана, умершего четырьмя годами ранее. Первые одиннадцать лет жизни Оскар провел во Франции. Несомненно, он с большим вниманием следил за парижской драмой.

В Швеции оппозиция возлагала большие надежды на склонного к реформам Оскара I. Поначалу король держался хладнокровно. Вечером 18 марта 1848 года народные массы, состоявшие из рабочих (по большей части пьяных) и представителей либеральной буржуазии собрались перед королевским дворцом в Стокгольме. Их лозунги варьировались от требований «французской свободы», республики и «всеобщего избирательного права» до призыва «покончить с дворянством».

В тот субботний вечер король Оскар I находился в опере, где всеми обожаемая Йенни Линд выступала в «Вольном стрелке» Вебера. Когда новость о восстании достигла ушей короля, он покинул свою ложу и верхом поскакал ко дворцу. Возле кафедрального собора он встретился с мятежниками, проявив впечатляющее хладнокровие. Состоялся разговор. После этого король приказал отпустить демонстрантов, задержанных в течение дня. Порядок был восстановлен.

Однако на следующий день беспорядки возобновились. На этот раз Оскар I потерял терпение и дал приказ открыть огонь. Дивизион Второй гвардии встретил восставших ружейными залпами. В последовавшей затем суматохе погибли от 20 до 30 человек²⁸.

---

¹³ Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне (1817–1952) – герцог Лейхтенбергский, российский князь, внук Жозефины Богарне, сын пасынка Наполеона Бонапарта Эжена Богарне, был женат на дочери Николая I Марии Николаевне. — Прим. ред.

В Санкт-Петербурге власти ответили еще более жестко. Николай I смертельно боялся в России повторения французских событий. После восстания в Париже Третье отделение заслало своих шпионов в наиболее оппозиционно настроенные группировки интеллигенции. Все выявленные критики царского режима подверглись репрессиям. В их числе был и писатель Федор Достоевский, который некоторое время регулярно посещал тайный кружок в доме публициста и социалиста Петрашевского.

В апреле 1849 года Николай I отдал приказ арестовать всех заговорщиков. Достоевский и его единомышленники восемь месяцев содержались в Петропавловской крепости и оттуда были отправлены к месту казни. Их уже привязали к столбам и надели на головы мешки, когда пришло известие о помиловании и замене казни ссылкой в Сибирь. В сибирской ссылке Федор Достоевский провел четыре года. К тому моменту он еще не начал писать свои знаменитые шедевры «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы»²⁹.

* * *

Те, кто пользовался привилегией путешествовать добровольно, обычно предпочитали ездить в противоположном направлении. К таковым относился уважаемый профессор химии Николай Николаевич Зинин. В конце 1840-х он стал томиться суровым климатом Казани – города в Центральной России, где родился и вырос. Зинин написал министру образования Уварову письмо с просьбой перевести его в Санкт-Петербург. Уваров согласился, что имело решающие последствия для Альфреда Нобеля.

В декабре 1847 года 40-летний Николай Зинин прибыл в Петербург, чтобы возглавить химический институт при Медико-хирургической академии. В России Зинин уже был широко признанным ученым. Блестящий список международных заслуг сочетался у него со скромной манерой держаться, что было по тем временам весьма необычно для российской профессуры – как и привычка обращаться к ученикам на «ты». Говорили, что во время химических опытов Зинин весьма требователен – «бездельничать не удавалось никому», – однако под пышными моржовыми усами скрывались сердечность и чувство юмора.

Свою непринужденную манеру общения со студентами Зинин приобрел во время учебы за границей десятью годами ранее. Он, как и многие другие молодые химики, отправился в лабораторию к профессору Юстусу фон Либиху в немецком городе Гиссене, ставшем в те годы новой Меккой органической химии.

Все началось еще в 1828 году, когда немецкий химик Вёлер сумел синтезировать мочевины из неорганического вещества. Взорам исследователей открылась совершенно новая область – органическая химия, и эти идеи в первую очередь были подхвачены в Гиссене у профессора фон Либиха, где активно экспериментировали с различными химическими реакциями, пытаясь искусственным путем синтезировать другие органические вещества. На Николая Зинина сильное впечатление произвели как опыты по синтезированию, так и современная педагогика профессора фон Либиха. Либих принимал иностранных студентов в качестве практикантов, давая им возможность работать в лаборатории бок о бок с ним. По вечерам Либих приглашал студентов к себе домой и обсуждал с ними сложные аспекты работы.

Осенью 1839 года молодой Зинин перебрался из Гиссена в Париж к профессору химии Теофилю-Жюлю Пелузу, который сотрудничал с фон Либихом. Пелуз, преподававший в Политехнической школе, копировал стиль преподавания своего немецкого коллеги. У Пелуза была частная химическая лаборатория. Там он принимал практикантов из других стран и проводил занятия по органической химии, плавно перетекавшие в вечерние посиделки в столь же свободной манере, что и у Либиха.

Важную роль в этой истории сыграло то, что Зинин прибыл в Париж как раз в тот момент, когда Пелуз проводил свои опыты с различными взрывчатыми веществами в поисках замены

пороху. Впрочем, среди европейских химиков того времени не он один проявлял живой интерес к этой проблеме. Пелуз придумал обрабатывать целлюлозу азотной кислотой, и ему удалось получить взрывчатый материал, которому он дал название «пироксилин» (позднее – «ружейный хлопок»).

Николай Зинин пробыл у Пелуза до лета 1840 года. В тот год в творческой лаборатории французского профессора появился и молодой итальянский химик Асканио Собrero. Ему, так же как и Зимину, было 28 лет. Возможно, именно тогда завязался первый важный контакт в цепи событий, кульминацией которых тридцать лет спустя стало изобретение Альфредом Нобелем динамита?

Решающие ходы в этой игре разыгрались около 1847–1848 годов. То есть как раз тогда, когда Николай Зинин перебрался в Санкт-Петербург.

* * *

На рубеже 1847–1848 годов Асканио Собrero вернулся из Парижа в Италию. В своей лаборатории в Турине он продолжал эксперименты, изучая, как различные органические вещества взаимодействуют с азотной кислотой. И тут ему удалось совершить настоящий прорыв.

Собреро исследовал, что произойдет, если заменить целлюлозу в опытах Пелуза на густой глицерин. Кроме того, он попробовал смешать азотную кислоту с серной – таким образом ему удалось получить новое маслянистое взрывчатое вещество, которое он по примеру Пелуза назвал «пироглицерин». Со временем это название превратится в «нитроглицерин».

Сам Собrero относился к своему творению со смешанными чувствами. Итальянец подчеркивал, что желтая маслянистая жидкость требует особой осторожности в обращении: «Капля, заключенная в пробирку, при нагревании детонировала с огромной силой, осколки стекла изранили мне лицо и руки, задев также тех, кто находился в помещении на большем расстоянии».

Он отмечал, что у маслянистой жидкости острый сладкий вкус, однако решительно не советовал другим пробовать ее на вкус.

«Малое количество нитроглицерина, положенное на язык, но не проглоченное, вызывает сильную головную боль, а затем слабость во всех членах. Собаке дали пару граммов нитроглицерина. Из рта у нее тут же пошла пена, а затем ее вытошнило».

Через несколько часов подопытное животное скончалось. Из соображений безопасности Собrero не стал обследовать тело. К тому же он отказался от использования своего изобретения и долгое время даже не получал на него патент. Нитроглицерин был интересным химическим веществом, считал Собrero, но слишком опасным для дальнейшей работы. Много лет спустя, когда ему пришлось бороться за признание своего новаторского научного открытия, он закончил свое выступление словами: «Когда я думаю о тех жертвах, к которым привел нитроглицерин своими взрывами, и ужасных разрушениях, которые он вызвал и еще вызовет в будущем, то испытываю почти стыд за то, что написал эти слова по поводу его открытия»³⁰.

Вскоре нитроглицерином Собrero заинтересовался русский профессор химии Николай Зинин. Но перед новым, 1848 годом он на время отложил свои исследования. Зинину предстояло создать в Санкт-Петербурге современную систему обучения химии, которую он видел питомником молодых ученых в духе Либиха и Пелуза. Эта работа отнимала огромное количество времени, поскольку оборудование в Медико-хирургической академии оказалось устаревшим, а бюджетных денег выделили ничтожно мало. И Зинин нашел выход: дополнить обучение за счет частной лаборатории у себя на квартире.

Среди этого «организованного хаоса» он часто проводил занятия для избранных студентов. Иногда ученикам позволялось остаться на ужин. Постепенно вокруг Зинина образовался «маленький химический клуб, в котором цвела молодая русская химия, где велись жаркие дис-

куссии и где сам хозяин, вдохновленный и вдохновляющий, громким тенором развивал новые идеи, по причине отсутствия мела и доски записывая на крышке пыльного стола химические формулы тех реакций, которые со временем займут почетное место в научной литературе»³¹.

Вскоре юный и любознательный Альфред Нобель станет учеником Николая Зинина, которого еще называли «ходячей энциклопедией». Похоже, и братья Альфреда тоже учились у Зинина. Трудно установить, происходило ли это в рамках «химического клуба» или же входило в частное обучение братьев Нобель, но, как бы то ни было, знакомство с Зининым произошло не ранее 1849 года. К этому моменту Альфреду исполнилось 15. Осенью 1848 года ему и старшему брату Роберту пришлось сделать перерыв в учебе, пока средний, Людвиг, гостил у кузенов в Швеции. В письме Иммануила шурина в Швецию ясно ощущается их горячее желание, или по крайней мере желание самого Иммануила, как можно скорее вернуться к занятиям. Людвиг не получил разрешения остаться подольше, как он того хотел³².

В письме к шурина Иммануил восторженно отзывается о своих сыновьях. Он пишет, что Людвиг превосходит двух других по части разума и вкуса, однако ни на одного из них жаловаться не приходится. «Из того, что я до сего дня видел, не думаю, что мне придется за них краснеть, – продолжает Иммануил. – Того, чем провидение обделило одного, оно вдвойне щедро снабдило другого. По моим понятиям, Людвиг наделен самым большим умом, Альфред – трудолюбием, а Роберт – способностью к рассуждению и таким упорством, которое в прошедшую зиму не раз изумляло меня»³³.

Людвиг неохотно покинул Стокгольм, сев на один из последних в ту осень пароходов до Або. Лишь накануне сочельника 1848 года он вернулся в Санкт-Петербург. В его отсутствие Иммануил и Андриетта сделали ремонт в доме. Людвиг радовался оклеенной новыми обоями комнате «с прекрасной новой мебелью и красивыми занавесками».

Братья очень скучали друг без друга. «Альфред так вырос, что я едва узнал его; он почти догнал меня в росте, а голос стал таким низким и мощным, что по нему я бы его точно не узнал»³⁴.

* * *

Между тем мины Иммануила Нобеля застряли в недрах бюрократического аппарата где-то между флотом и армией. Если верить семейной истории, изобретение было окружено такой тайной, что о нем на несколько лет и вовсе забыли. Надо сказать, шведское семейство не сильно от этого страдало. Шведский инженер пользовался большим спросом. Получал другие контракты и новые патенты. В своей кузнечной мастерской Иммануил начал производить перила для лестниц и железные оконные отливы, получил заказы при реставрации Казанского собора и фортов Кронштадта. В доме на Большой Невке, где проживала его семья, он соорудил отопительную систему собственной конструкции. Вместо изразцовой печи в каждой комнате Нобель установил один на весь дом отопительный котел. С его помощью он подогревал воду, проходившую по трубам по всему дому. Печи Нобеля пользовались большим успехом. Двор заказал ему несколько штук для казарм и больниц. Богатые петербуржцы оснащали новинкой свои особняки³⁵.

Тем временем Огарев решил передать Нобелю свою половину завода – в благодарность за долгие годы самоотверженного труда. В дарственной он прославлял Иммануила за то, что тот «многие годы являлся мне отличным помощником по части оборудования и производства литейного завода и механической колесной фабрики им основанной». Вскоре выяснилось, что жест этот оказался куда менее щедрым, чем можно было подумать, поскольку русский компаньон продолжал брать кредиты для оплаты личных долгов, закладывая завод. Со временем

это создаст немалые проблемы, поскольку по условиям Нобель нес равную с Огаревым ответственность по уплате долгов³⁶. Но пока семья Нобель могла об этом не думать.

Иммануил Нобель оказался нужным человеком в нужном месте в необычайно динамичную эпоху. Индустриальная революция, распространившаяся из Англии на Западную Европу, теперь, в середине XIX века, докатилась и до России Николая I. Ритм жизни ускорялся, расстояния сокращались. Большинство стран, за исключением Швеции, уже ввели в строй несколько железнодорожных веток. В России вскоре должно было открыться железнодорожное сообщение между Санкт-Петербургом и Москвой³⁷.

Способ коммуникации изменился и благодаря другим открытиям. Несколько лет ранее в США Сэмюэл Морзе установил связь между Вашингтоном и Балтимором по новому электрическому телеграфу. Хотя поначалу это больше воспринималось как диковинка, революция в обмене информацией уже была не за горами. Однако голландец Пауль Рейтер, создавая в 1850 году свое новостное бюро для передачи курсов акций на бирже, по-прежнему использовал целую армаду почтовых голубей³⁸.

Паровых машин становилось все больше, они совершенствовались. По другую сторону Атлантики шведский эмигрант инженер Джон (Юхан) Эрикссон достиг некоторых успехов в создании новой конструкции, идущей на смену паровому двигателю, так называемой тепловой машины. Публичное признание пришло к Эрикссону за несколько лет до того, когда его фрегат с гребным винтом обогнал в гонке самый быстрый в стране колесный пароход.

Джона Эрикссона Иммануил Нобель знал лично. Они были почти ровесниками, и до своего отъезда из Швеции в конце 1820-х годов Эрикссон проходил лечение у отца Иммануила. Со временем Иммануил будет вырезать и собирать газетные заметки об успешном шведе, который пятнадцатью годами позже во время Гражданской войны станет национальным героем Америки³⁹.

Иммануилу Нобелю скоро должно было исполниться 50. С шапкой седых волос на голове он чувствовал себя «замшелым». Конечно, он мог сообщать родственникам в Швеции о своих успехах, например, о том, что получил в Санкт-Петербурге звание купца первой гильдии. Конечно же дела фирмы шли хорошо, и к тому же он мог радоваться тому, что в семье осенью 1849 года родилась долгожданная дочь, Бетти Каролина Шарлотта. Однако его не покидали мысли о Джоне Эрикссоне и его новом тепловом двигателе. «Похоже, любимая идея Иммануила Нобеля в то время состояла в том, что пар скоро будет вытеснен нагретым воздухом», – писал в своей статье много лет спустя близкий друг и коллега Альфреда Нобеля⁴⁰.

В один прекрасный день отец шестерых детей принял решение, вероятно, подстегнутое известием, что Джон Эрикссон избран в шведскую академию наук. Он отправит одного из сыновей за Атлантику разузнать, что там происходит. Старший сын Роберт уже начал работать в фирме отца и делал это, «слава богу», с большим усердием. Поскольку совместное обучение мальчиков заканчивалось, предполагалось, что Людвиг тоже начнет помогать отцу.

Решено было, что именно успешный в учебе одаренный Альфред поедет в США, чтобы изучить последние изобретения великого шведа. Кроме того, Иммануил решил, что Альфреду стоит углубить свои познания в органической химии. По примеру профессора химии Николая Зинина он отправится изучать химию в Париж.

* * *

Тем временем Альфред Нобель превратился в рефлексирующего, не по годам развитого юношу. В те важные для формирования его личности годы в Петербурге он постоянно находился на распутье между романтикой и просвещением. С одной стороны, сильное влияние

поэтов и философов, их духовных поисков вечных идеалов, с другой – стремление естествоиспытателей разгадать загадки бытия при помощи микроскопа и пробирок.

Альфред с головой ушел в оба этих мира одновременно. Несколько лет спустя в одном из стихотворений он описывал, как читал об исторических подвигах великих людей и «долго потом размышлял о философах прошлого, чьи мысли и по сию пору вдохновляют живые души». В тот момент его охватило мощное желание следовать их путем, своего рода стремление мыслить масштабно и действовать благородно, чтобы достичь такой же славы⁴¹. Альфред мечтал стать писателем. Его влекли романтические идеалисты, представители высокой поэзии, такие как британцы Перси Биш Шелли и лорд Байрон. Они и стали его божествами.

И Шелли, и Байрон имели колоссальный успех в Германии в 1830–1840-е годы. До русскоязычных читателей они добрались на той же волне интеллектуального вдохновения, что и философы Шеллинг и Гегель⁴².

Профессору химии Зинину не очень импонировали эти сомнительные, по его мнению, философы. Особенно когда они вторгались на территорию естественных наук и математики. «С какой самоуверенностью эти люди претендуют не только на то, чтобы понимать, но также на то, чтобы критиковать теории высшей математики, не имея ни малейшего понятия об этой столь последовательной науке», – выразился Зинин в одной своей известной речи. Однако, будучи человеком дружелюбным, он одновременно подчеркивал, что не ставит своей целью бросить тень на блестящих представителей философской науки. Он лишь хотел «показать, как опасен в своих последствиях ошибочный научный метод»⁴³.

Под крылом у Зинина мысли Альфреда Нобеля определенно направлялись совсем в иную сторону.

* * *

В эти важнейшие для становления личности годы особенно трудно следить за жизнью Альфреда Нобеля. Его собственные письма этого периода не сохранились, а в спасенной для потомков незначительной семейной переписке он упоминается лишь мимоходом. Будучи человеком, мечтающим о карьере писателя, Альфред Нобель умудрился побывать в будоражащей воображение Америке, не оставив об этой поездке никаких иных свидетельств, кроме 1) краткого упоминания в письме о перевозке нескольких чертежей и 2) пары строк в юношеском стихотворении: «Как странно, что теперь морские дали / Меня совсем уже не удивляли, / Мне был моим воображеньем дан / Куда полней и шире океан».

Стихотворение имеет очень подходящее название – «Загадка» – и является единственным источником информации о мыслях и чувствах Альфреда Нобеля в тот период. В более поздних записях (на французском языке) он упоминает, что написал его в 1851 году. В поэме содержатся некоторые важнейшие автобиографические намеки, однако писать об Альфреде Нобеле в ранние 1850-е – все равно что пересекать весеннюю реку, перепрыгивая с одной льдины на другую.

Сколько времени он провел в отъезде, куда поехал и что там делал? Нобелевская литература пестрит догадками. Большинство тех, кто писал об этом периоде в его жизни, соединили поездку в Америку с нахождением в Париже и предполагают, что пребывание за границей растянулось на два года. Кто-то полагает, что на четыре. Кое-где фигурирует и цифра три. Один автор утверждает, что ему известен точный адрес Альфреда в Нью-Йорке, другой

(называющий совсем иной адрес) точно знает, как тот завязывал шейный платок, собираясь на первую встречу с Йоном Эрикссоном. В одной книге мы читаем, что Альфред отправился в США в 1850 году в возрасте шестнадцати лет, если же верить другой, все началось с того, что он поехал с профессором Зининым в Париж.

Пытаясь собрать воедино фрагменты мозаики, я продолжаю свои поиски в пыльном архиве в Москве. Моему исследователю требуется время, чтобы просмотреть списки регистрации иностранцев, прибывающих в Санкт-Петербург, и я почти не верю в успех. Когда он наконец находит то, что мне нужно, туман рассеивается.

Впервые Альфред Нобель указан под собственным именем как въезжающий в Россию (откуда – неизвестно) третьего июля 1851 года. Тогда его, 17-летнего, именуют «инженером», как и его братьев. Во второй раз он регистрируется аналогичным образом 26 июня 1852 года⁴⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.